

ВЫПУСК 1 (1)

МАРТ 2023

МОБ

МОНИТОРИНГ. ОБРАЗОВАНИЕ.
БЕЗОПАСНОСТЬ.

ключевая статья:

ОТ СОЦИОЛОГИИ К СОЦИАТРИИ

К РЕФОРМЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Щетинина Елизавета Витальевна (главный редактор) кандидат философских наук, Челябинский государственный университет

Бредихин Сергей Сергеевич (заместитель главного редактора), кандидат философских наук, Южно-Уральский государственный университет

Селютин Александр Анатольевич (заместитель главного редактора), кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет

Морозова Анна Анатольевна (заместитель главного редактора), кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, Южно-Уральский государственный университет

Астахова Лариса Сергеевна, кандидат социологических наук, доктор философских наук, Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Бигнова Марина Ринатовна, кандидат философских наук, Казанский федеральный университет

Забелина Екатерина Вячеславовна, доктор психологических наук, Челябинский государственный университет

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культурологии, кандидат социологических наук, Челябинский государственный институт культуры

Салганова Елена Ивановна, кандидат социологических наук, Южно-Уральский государственный университет

Смирнов Максим Георгиевич, кандидат философских наук, доцент, Челябинский институт развития профессионального образования

Ярославова Галина Юрьевна, кандидат педагогических наук, Челябинский институт развития профессионального образования

Учредитель и издатель журнала: Автономная Некомерческая Организация «Центр культурно-религиоведческих исследований социально-политических технологий и образовательных программ»

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Электронная почта: mob-journal@yandex.ru

Электронный адрес сайта: <https://resurs-center.ru/formaMOB>

Корректор *А. А. Кулакова*

Дизайн *С. С. Бредихин*

Верстка *А. Д. Арсентьева*

+12

© Авторы докладов, 2023

© Автономная Некомерческая Организация «Центр культурно-религиоведческих исследований социально-политических технологий и образовательных программ», 2023

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Этим выпуском мы открываем издание нового электронного научного журнала «Мониторинг. Образование. Безопасность». Журнал выпускается под эгидой Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде и нацелен на информирование и предоставление актуальных научных данных для научного и образовательного сообщества, экспертов служб и ведомств, представителей властей и гражданского общества в сфере профилактики деструктивных проявлений, противодействия экстремизму и терроризму, обеспечения национальной безопасности, создания условий для гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений.

Главная цель, которую редакционная коллегия закладывает в издание журнала – сделать его авторитетной научной площадкой для предоставления актуальных исследований по проблемам профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде. Журнал планируется сделать практикоориентированным, что не исключает появления на его страницах научных дискуссий об общих подходах и теоретических концепциях.

Предлагаемая проблематика электронного научного журнала достаточно широка и включает в себя следующие темы:

1. Информационная безопасность в контексте профилактики деструктивного поведения.
2. Актуальные исследования в области мониторинга и анализа деструктивных проявлений.
3. Исследование проблем профилактики распространения идеологии радикализма, экстремизма и терроризма.

4. Актуальные вопросы этноконфессиональной безопасности.

5. Медийные, педагогические и образовательные технологии как фактор формирования безопасной среды.

6. Современные педагогические исследования и инструменты профилактики деструктивных проявлений.

7. Психология деструктивных проявлений.

8. Научные основы психологической безопасности.

9. Социокультурная, психологическая и языковая адаптация иностранных студентов и несовершеннолетних мигрантов в образовательной среде.

10. Правовые аспекты трудовой и социальной деятельности мигрантов.

11. Видеоигровая индустрия и безопасность.

Мы ждём авторов любых академических уровней, так как ориентируемся, прежде всего, не на формальные степени и звания, а на качество самих статей. Все материалы журнала проходят проверку на антиплагиат и обязательное внутреннее рецензирование, что позволит поддерживать высокий научный уровень публикаций.

Уверены, что наш журнал со временем займет достойное место среди научных изданий и станет постоянным источником актуальных научных данных по проблемам мониторинга и профилактики деструктивных проявлений и обеспечения национальной безопасности и безопасности образовательной среды. Приглашаем всех заинтересованных коллег присоединиться к нашему изданию в качестве авторов и читателей!

Главный редактор Е. В. Щетинина

СОДЕРЖАНИЕ

КЛЮЧЕВАЯ СТАТЬЯ

Бредихин С. С. От социологии к соцоатрие: к реформе социального знания	8
---	---

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МОНИТОРИНГА, АНАЛИЗА И ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Бойдов А. С. Обнаружение и классификация угрозы скулшутинга в текстовых записях	19
Бутаков А. В. Поиск новых методологических подходов анализа потенциальных рисков деструктивных угроз	26
Клементьев Ю. А. Фейковые новости в период проведения специальной военной операции россии по защите ДНР и ЛНР	31

РАЗДЕЛ 2. ИНФОРМАЦИОННАЯ И МЕДИЙНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РАЗРЕЗЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Арсентьева А. Д. Особенности деструктивного контента в социальной сети ВКонтакте	36
Морозова А. А. Маркеры экстремизма в молодежной среде: результаты социологического опроса аудитории	42
Николаева М. О. Информационная безопасность: современная картина проблемы информационной безопасности и защиты информации	51
Селютин А. А. Структура чат-бокса в многопользовательских видеоиграх как фактор риска деструктивной коммуникации	58

РАЗДЕЛ 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ

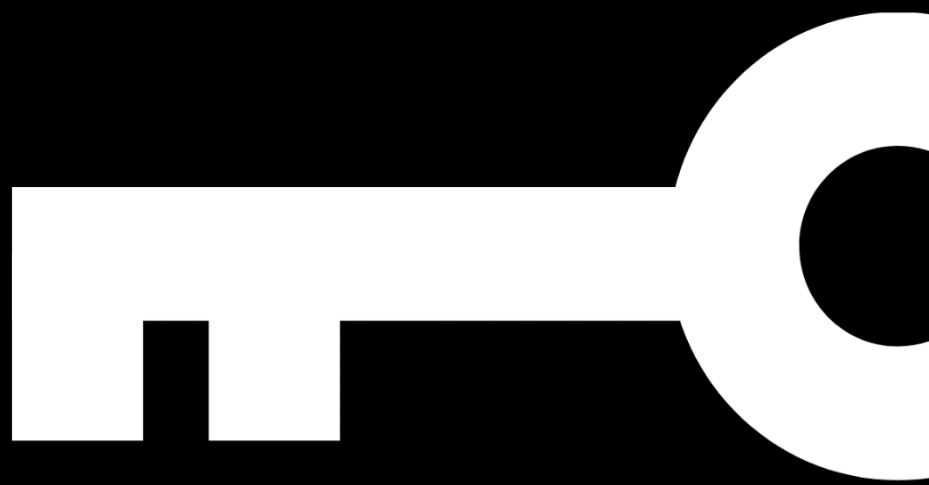
Амброладзе Б. С. Предпосылки возникновения суицидального поведения подростков	64
Воробьева Т. С. Теоретический обзор исследований влияния кибербуллинга на самореализацию студентов профессиональных образовательных организаций	70
Кулакова А. А. Специфика оценки эффективности межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	76

Тяжелникова С. Н. Медиативная компетентность педагогов профессионального образования как фактор безопасности образовательной среды	85
Ярославова Г. Ю. Педагогические инструменты профилактики буллинга в образовательной среде	91

РАЗДЕЛ 4. ВОПРОСЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ

Мухаметова Р. Р. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в российской федерации: сравнительный анализ	97
Уткина Е. А. Игровые тренинги как способ социокультурной адаптации иностранных студентов	104

КЛЮЧЕВАЯ СТАТЬЯ

УДК 303.01
ББК 60.5

ОТ СОЦИОЛОГИИ К СОЦИОАТРИИ: К РЕФОРМЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Сергей Бредихин

Кандидат философских наук,
социолог, заведующий
сектором мониторинга и
анализа НИЦМП, г. Челябинск

В статье анализируется современное состояние социологии, как с точки зрения базовых основ данной науки и противоречий, заложенных в них, так и с точки зрения современного состояния и решения актуальных задач в области социального знания, которые формируются в рамках общественного запроса. На основе проведенного теоретического анализа автор приходит к выводу о неудовлетворительном состоянии современной социологии, не способной к решению ключевых проблем современности. В качестве альтернативы предлагается проект новой социологии, получающей наименование «социоатрии». В статье даётся определение, излагаются основные принципы и практические приложения данной научной дисциплины.

Ключевые слова: социология, социоатрия, социотерапия, метамодерн, метапрофилактика.

Ревизия изначальных задач социологии

Как известно, социология как наука имеет абсолютно точный и зафиксированный во всех источниках момент своего рождения [10. С. 25] – 27 апреля 1839 года – день, когда Огюст Конт использовал новое слово, соединив латинское *socius* (спутник, товарищ) и греческое *λόγος* (слово, речь).

Исходно в теоретических положениях Конта закрепляется мысль о том, что новая социальная наука – социология, должна иметь дело не с сомнением и отрицанием, а исключительно с организацией и позитивным утверждением; она должна соотноситься с существующим социальным порядком и отвергать всякое движение, направленное на отрицание и уничтожение данного порядка [7. С. 41–42]. Таким образом, изначально теория Конта исходит из апологетически-оправдательного принципа в отношении к существующему общественному порядку.

Основным принципом своего позитивизма Конт называет положение о неизменности естественных законов [7. С. 17], которое он предлагает применить к социальной теории [8. С. 267]. Конт изначально отрицает возможность изменения человеком социальной реальности в соответствии с его волей и разумом; более того, он прямо заявляет, что его учение должно утвердить «принцип общих границ любого политического действия» [8. С. 281]. Человек, с точки зрения Конта, должен, осознав сущность и неизбежность неизменных

законов, смириться с любыми страданиями и бедствиями. В этом ему должен помочь, с одной стороны, отказ от опасных и вредных материальных соображений и переход к морально-нравственному совершенствованию, а с другой стороны, развитие «позитивной политики», укрепляющей общественный порядок через развитие «разумного смирения» даже с неискоренимыми политическими пороками [8. С. 142]. Позитивизм призван стать главной силой борьбы с радикальными изменениями, и только он может «полностью поглотить современное революционное учение» [8. С. 140], спасти «правлящие классы от любого анархического вторжения» [8. С. 152], и показать народу «как приятно повиноваться, когда есть возможность... освободиться благодаря... мудрым и достойным руководителям, от тяжелой ответственности за основное направление своего поведения» [8. С. 439].

При этом Конт не отрицает важность прогресса, но протекающего исключительно в рамках существующего общественного строя, который является естественным порождением неизменных законов, ведущих, в конечном счете, к торжеству позитивной науки и философии, и преодолению теологии и метафизики¹. Всякий прогресс ведет к укреплению существующего порядка, а порядок является «фундаментальным условием прогресса» [7. С. 56]; причина социальных противоречий заключается исключительно в отсутствии господства позитивизма и вызванном этим непониманием неразрывного единства прогресса и порядка². На этом, по существу, его теория социальной динамики исчерпывается и основное внимание он уделяет вопросом социальной статике, основанной на принципе порядка, дисциплины, стратификации, тотального поглощения отдельного индивида обществом.

Итак, основания позитивистского подхода к теории революции заложены контовским учением, в котором апологетика всякого сложившегося порядка, метафизичность и спекулятивность основных положений, совмещались с отрицанием деятельной силы человека, подчинением его «обществу» и непреодолимым вечным законам, отрицанием возможности и необходимости революционных изменений, антиматериалистическим подходом к истории и социальному существованию, отрицанием реального социального движения как такового³.

Социологизм Дюркгейма подчиняет общественное существование и его понимание данности «социальному факту»⁴. Социальные факты

¹ Общемировое историческое движение по неизменному пути интеллектуального прогресса от теологической стадий к метафизической, а затем и высшей позитивной, называется Контом «законом трех стадий» и объявляется главным законом социальной динамики. (О несостоятельности данного «закона» см. напр. [6].

² Неравенство классов и сам принцип классового разделения Конт напротив называет позитивным моментом социальной иерархии [9. С. 497].

³ Идея прогресса у Конта есть, по существу, идея порядка, положенная в диахроническое поле, следовательно она отрицает действительное движение и изменение.

⁴ «Социальным фактом, является всякий образ действия, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее давление и имеющий, в то же время, свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [4. С. 19]. При этом роль производителя социальных фактов отводилась практически исключительно коллективному сознанию, отделяемому от материальной стороны общественного существования, и в нем наделяемому главенствующей ролью.

предсуществуют индивиду: при рождении он находит готовыми и функционирующими независимо от него, законы, обычаи, нормы, религиозные верования и т.п. Эти социальные факты довлеют над индивидом, образуя «объективную реальность» и диктуя определенный «нормальный» образ действия. Всякий индивид, таким образом, оказывается во власти социального принуждения, которое, однако, отнюдь не воспринимается Дюркгеймом как нечто негативное, но определяется им как позитивная сила общественной регуляции.

Полагая общество как самодостаточную и объективную реальность, Дюркгейм утверждает, что всякое социальное явление имеет исключительно социальные причины и социальную же природу⁵.

Основным параметром общества является «норма»⁶. Всякое отклонение от нормы понимается как патология общественного развития, требующая лечения в рамках данного строя общества. Данность существующего общественного строя выступает здесь как нерушимый исходный принцип, к которому необходимо вернуться, излечив патологию.

Среди основных патологий современного ему капиталистического общества Дюркгейм считает неравенства, борьбу классов, аномию и плохую организацию разделения труда. Причинами данных патологий социолог считает недостаточность принципов организации и регулирования общественной жизни⁷. Отсюда устранение патологий возможно лишь через естественную эволюцию общества, развитие общественного сознания и усиление регулятивных механизмов.

Дюркгеймовская теория эволюции общества строится на различении двух типов общественной солидарности, связывающих людей в обществе. Первый тип – механическая солидарность, обуславливается сходством неразвитых индивидов, индивидуальность которых поглощается коллективом, а всякое отступление от правил строго наказывается в рамках репрессивного права. Органическая солидарность основана на осознании общей взаимозависимости в рамках сложного разделения труда⁸ индивидами, ставшими развитыми

⁵ Замыкая, таким образом, социальное бытие в самом себе, Дюркгейм, тем не менее, удерживается от придания обществу мистифицированного существования и отмечает, что представление о самостоятельности общества от индивидов есть «явная нелепость» [5. С. 436]. Общество и личность в теории Дюркгейма взаимозависимы, без процветания одного невозможно процветание другого.

⁶ Норма, являющаяся развитием контовской идеи порядка, понимается здесь весьма упрощенно как простая общепринятость: социальный факт нормален для данного социального типа, в определенной фазе его развития, если этот факт имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, в соответствующей фазе их эволюции. Здесь налицо релятивизм: всякое деяние (включая преступления) нормально, если оно встречается в большинстве обществ. Однако сам Дюркгейм допускает явные противоречия с данным правилом, рассматривая, например, рост числа самоубийств и классовые столкновения, характерные для всех обществ его времени, как патологические.

⁷ В этом любопытный жест Дюркгейма: причины патологий берутся извне, тем самым патологии как бы лишаются своей самостоятельной природы, получая лишь сугубо временное и зависимое существование в качестве отсрочено-решенных проблем, сам принцип избавления от которых укоренен в общественных механизмах.

⁸ Разделение труда вызвано множественностью причин, из которых главной является рост народонаселения, интенсифицирующей социальные процессы, через увеличение «физической» и «динамической» (уровень социального взаимодействия) плотности обществ. В этих условиях обостряется борьба за существование, и разделение труда выступает главным средством сохранения стабильности общества;

личностями; здесь действует и другой тип права – реститутивный, восстанавливающий нарушенные отношения в прежней форме, и другой тип регулятивности – нормативно-ценностный. Эволюция общества совершается постепенным преемственным переходом от механической к органической солидарности. Высшим уровнем органического развития является гармоническое единство профессиональных корпораций.

Таким образом, в теории Дюркгейма мы находим продолжение столбовой теоретической дороги позитивизма: главенствующее место в ней занимает идея нормального позитивного порядка, все отрицающее, ниспровергающее, противоречивое выводится за пределы нормального порядка и рассматривается как патология, не имеющая собственной независимой природы и естественным образом излечивающаяся в рамках самоорганизации общества. Данность, существующий строй рассматриваются как абсолютная природа, за пределами которой ничего не может быть в принципе.

Общественная жизнь по Веберу, есть взаимодействие отдельных людей; Вебер кладет в основу своего учения социологический номинализм. Однако исходя из индивида, как единственного субъекта, Вебер подчеркивает необходимость введения в социологию принципа «ориентации на другого». Данный принцип воплощается в веберовской концепции социального действия, понимаемого как действие, имеющее смысл для субъекта, его реализующего и как действие, направленное на другого⁹.

С точки зрения Вебера эволюция общественно-исторического процесса¹⁰ может быть проанализирована через возрастание уровня формальной рациональности социального действия¹¹. Если в традиционных обществах целерациональный тип действия встречается редко и в основном в хозяйственной сфере, то в процессе эволюции общества данный тип действия становится преобладающим и постепенно все сферы общества подчиняются формальной рациональности.

Политическая составляющая общества рассматривается Вебером с точки зрения типов господства¹². Характерным для капиталистического общества

соответственно интенсификация и организация труда увеличивают органическую солидарность, а неравенство ее уменьшает.

⁹ Вебер классифицирует социальные действия по основанию величины рационализации: первый тип – целерациональный; второй тип – ценностно-рациональный; третий тип – аффективный и четвертый тип – традиционный. При этом два последних типа, по сути, не могут быть отнесены к социальным действиям по определению Вебера, так как не подразумевают осознанность смысла действия субъектом.

¹⁰ Историческое движение Вебер не подчиняет строгой необходимости, а рассматривает скорее как движение, обусловленное случайным совпадением тех или иных исторических факторов (например становление капитализма Вебер объяснял совпадением в некоторое время и в некотором месте ряда феноменов, несших рациональное начало: античной науки, дополненной технико-экспериментальной стороной, рационального римского права, рационального способа ведения хозяйства основанного на отделении рабочей силы от средств производства; а синтез всех этих элементов был осуществлен протестантской этикой, обусловившей превращение экономической деятельности в религиозно-этическое призвание).

¹¹ Формальная рациональность есть чистая рациональность, рациональность как самоцель, понимая как сведение всего к количественным показателям; ей противостоит материальная рациональность – рациональность для чего-то, ценностно-обусловленная, извне обусловленная рациональность.

¹² Само господство Вебер определяет через отношение ожидания и признания субъекта и другого, как: «шанс найти для приказа определенного содержания послушание у людей, могущих быть определенными» [12. С. 28].

Вебер считает тип легитимного господства, представляющий собой наивысшую степень рационализации. Бюрократия является социальным воплощением данного типа, олицетворяя собой чистый функционализм, специализацию и рационализацию¹³. При этом направление деятельности, целеполагание бюрократической машине дает политический лидер на основании определенных ценностей.

Современное капиталистическое общество по Веберу представляет собой результат процесса рационализации и как таковое характеризуется преобладанием целерационального типа социального действия, бюрократической системы политики, рационально-капиталистической организации экономики¹⁴. Данный тип общества представляет собой оптимальную конструкцию, так как именно в нем человек получает наивысшую степень свободы¹⁵. Соответственно преобразование общества является для Вебера ложным и по самой сути своей невозможным путем, так как преодолеть рационализацию общества и связанные с ней характерные черты невозможно, а социалистическая альтернатива менее эффективна, нежели капиталистический порядок.

Как видно из рассмотрения теоретических взглядов Вебера, они являются продолжением и развитием идей Конта. Сознательное преобразование общества в этой теории исключается, поскольку оно будет являться отклонением от нормального развития.

Итак, рассмотрев идеи трёх крупнейших теоретиков позитивистской социологии, чьи идеи лежат в основании этой науки, мы утверждаем, что в исходном основании социологии заложено противоречие – попытка через апологетику существующего порядка избавиться от социальных пороков, оборачивается невозможностью искоренения этих самых порядков. Утверждение примата позитивности лишает социологию деятельной силы, оставляя на её долю лишь наблюдение общественных проблем, которые с точки зрения позитивизма есть лишь отклонение от «нормального порядка», естественным образом преодолевающееся в процессе развития. Общественная патология лишается какой-либо сущностной природы, глубинные проблемы общества объясняются лишь недостатком порядка, что, по сути дела, не оставляет места критическому осмыслению и подлинной борьбе с проблемами общества. Указанное противоречие в полной мере находит отражение в текущем состоянии социологии.

А что сегодня?

Безусловно, за время прошедшее с момента своего основания, в социологии произошли множественные изменения: из чисто теоретической дисциплины она превратилась в эмпирическую науку с набором более или менее

¹³ Вебер, безусловно, крайне идеализирует бюрократию, считая ее высшим воплощением эффективности, рациональности и отрицания любых личных отношений и любых интересов кроме интересов «общего дела».

¹⁴ При этом все системы находятся во взаимном уравнивающем балансе: стремлению бюрократии к полному господству противопоставляется деятельность политика и предпринимателя.

¹⁵ Свободу Вебер определяет, как возможность индивидом самостоятельно рационально выбирать цель и средства ее достижения; индивид свободен, когда действие его максимально рационально [11. С. 132].

репрезентативных и валидных методов, как количественных, так и качественных; произошла масштабная институализация социологии; да и концептуально она отнюдь не остановилась на позитивизме (хотя и в более поздних учениях П. Сорокина, Т. Парсонса и других представителей позитивизма вполне ясно прослеживаются изначальные основания и противоречия, о которых мы говорили ранее) и появилось множество иных концепций. Однако, ключевой вопрос заключается в том, а выполняет ли на сегодняшний день социология те глобальные задачи с точки зрения самопознания и развития общества, на решение которых можно было бы надеяться. На наш (и не только на наш) взгляд этого не происходит.

Как когда-то К. Маркс отрекался от прозвания себя «марксистом», так и сегодня некоторые из наиболее критичных и чутких социологов отрекаются от «социологии»: «В «Символическом обмене и смерти» вы, если можно сказать, еще были социологом», заметил журналист Филипп Пети в беседе с Бодрийяром. Тот живо возразил: «Нет, я никогда не был социологом в таком смысле. Я очень быстро отошел от социологии институтов, права, общественных структур, от всех тех подходов, которые зиждутся на понятии какой-то воображаемой социальности, трансцендентной настоящей социальности. Моим предметом является скорее общество, теряющее трансцендентность, где исчезает социальность и само понятие социальности» [2. С. 24].

Жан Бодрийяр определяет современное состояние общества, как состояние после оргии. «После завершения всеобъемлющей оргии материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргии всего, что связано с ростом и болезнью роста» [1. С. 7]. Общество «прошло всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено» [1. С. 7].

Бодрийяр говорит о том, что, по сути, имел место всеобъемлющий переворот, который ознаменовал собой полное освобождение всех социальных и семиотических феноменов; после этого все, что освобождалось, выйдя на орбиту, начинало вращение. После трех стадий эволюции ценностей: начальной стадии бытовых ценностей, рыночной стадии ценностей для обмена и структурной стадии, ценности как символа, наступает четвертая стадия – стадия вирусная, фрактальная, на которой ценность более не соответствует чему-либо, не означает какое-либо означаемое, но распространяется во всех направлениях, исключительно по собственному импульсу, а значит, например, добро уже не по ту сторону зла, но они равны в своей ценностной эквивалентности всему остальному и не соответствует чему бы то ни было.

В обществе сформирована ситуация трансэстетики, трансэкономики, транссексуальности и трансполитики, то есть, по сути, каждый феномен социальной жизни пропитан неконтролируемыми вирусными проникновениями в его изначальную природную сущность, но такая дезинтеграция этих сфер, по существу, превращает их в вирулентные симулякры общественной жизни. «Терроризм как форма трансполитики, СПИД и рак как форма патологии,

транссексуал и трансвестит как единство сексуальной этической формы. Каждая из этих форм... соответствует ужесточению политической, сексуальной или генетической игры и в то же время недостаточности и распадению кодов, присущих, соответственно, политике, сексу и генетике» [1. С. 54–55].

Бодрийяр говорит о том, что сегодня «мы живем в режиме референдума – именно потому, что больше нет референции». Это происходит потому, что «каждый знак, каждое сообщение (будь то бытовая «функциональная» вещь, или какая-нибудь модная причуда, или же любая телепередача, социологический опрос или предвыборное обследование) предстает перед нами как вопрос/ответ. Вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного тестирования». При этом подобный режим есть ничто иное как симуляция, ведь «известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается [design-ée] им». Таким образом, сегодня социология становится ультиматумом: «односторонний вопрос, который никого больше не вопрошает, а сам сразу навязывает некоторый смысл, чем и завершается цикл. Каждое сообщение является вердиктом, наподобие тех, что изрекаются статистическими итогами опроса» [2. С. 134].

Бодрийяр использует известную формулу Маклюэна, чтобы показать, что на сегодняшний день общественное мнение, по существу, становится слиянием средства сообщения и самого сообщения вместе «а формирующие его социологические опросы как раз и заняты непрерывным утверждением средства сообщения в качестве сообщения. В этом они принадлежат к одному разряду с телевидением и вообще электронными масс-медиа: мы ведь видели, что те тоже представляют собой постоянную игру вопросов/ответов, орудие постоянного опроса» [2. С. 139].

С ним в полной мере согласен и другой значимый теоретик социологии – Пьер Бурдьё. В эссе под говорящим названием «Общественное мнение не существует» Бурдьё показывает, что три постулата, лежащие в основе современной социологии опросов (которую иногда именуют «полингом») являются ошибочными. К этим постулатам он относит следующие: «всякий опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем... Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы... Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными». Именно ошибочность этих постулатов предопределяет принципиальную деформированность результатов социологической деятельности, даже «если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных» [3. С. 159]. В результате Бурдьё приходит к выводу о том, что «Общественное мнение в том значении, какое скрыто ему придается теми, кто занимается опросами или теми,

кто использует их результаты, только это, уточняя, общественное мнение не существует» [3. С. 177].

Таким образом, сегодня мы наблюдаем своеобразное вырождение социологии, превратившейся в социологию опросов, симулирующих несуществующее общественное мнение. Подчеркнем еще раз – подобное состояние является, на наш взгляд, прямым следствием фундаментально противоречивых оснований социологии.

А что общество - в чем нуждается оно?

Вряд ли мы можем предполагать, что общество действительно нуждается в разрозненных теоретических концепциях социологии, но быть может оно нуждается в многочисленных социологических опросах? На самом деле, как мы говорили об этом в предыдущем разделе, это не так, поскольку сами по себе опросы есть не более чем симуляция, используемая в политических или коммерческих целях как способ манипуляции обществом. Теперь необходимо задаться вопросом – а что может ждать от социологии само общество, в чём оно нуждается?

На наш взгляд общество (вполне справедливо) может ждать от социологии критического взгляда на само себя. Социология должны быть не просто зеркалом, но «зеркалом общественной души», раскрывающим подлинное состояние общества, его пороки и их причины. Социология (в её новом виде) не может и не должна быть апологетической наукой, оправдывающей существующий общественный порядок, она должна быть революционной критической дисциплиной на основе строгой методологии, вскрывающей общественные проблемы. Но и этого мало – только вскрыть проблему, значит оставить «пациента» умирать от открытой раны. Поэтому новая социология должна предлагать и внедрять способы излечения и оздоровления общества. Только в этом случае она имеет смысл и право на существование как инструмент самопознания и саморазвития общества.

И что делать?

В этом пункте мы непосредственно подходим к основным тезисам, которые хотели бы предложить для обсуждения.

На наш взгляд на смену (или в дополнение) к социологии должна быть развита новая научная дисциплина, которой мы предлагаем название социотрией (латинское *socius* «спутник», «товарищ» + др.-греч. *· iατρεία* «лечение», «исправление»). Социотрия - это наука, изучающая общественные патологии и расстройства через призму критического подхода, методы их диагностики, профилактики и исправления.

Социотрия как новая научная дисциплина безусловно нуждается в будущей серьезной проработке концептуально-теоретических оснований, однако уже на данном этапе можно наметить некоторые принципы, которые могут лежать в её основании:

– критический подход, нацеленный на преодоление социально-негативных явлений и деструкций, а также на преодоление симулятивных порядков;

– нацеленность на познание не частных, но фундаментальных причин общественных патологий, в том числе лежащих в основе общественного строя;

– поиск доказательных методов профилактики и исправления общественных патологий;

– ориентация на выработку надежных диагностических инструментов, позволяющих выявлять и прогнозировать развитие общественных патологий.

В некотором смысле социотрия может быть представлена как новая социология, преодолевающая апологетический, симулятивный и ограниченный характер прежней.

При этом социотрия должна быть практикоориентированной дисциплиной, а значит можно предположить, что на определенном этапе своего развития она сформирует отдельные направления, связанные с социальным консультированием, социотерапией и, собственно, социотрией в соответствии с различными уровнями глубины общественных патологий.

Кроме того, социотрия может иметь специализированное приложение к изучению проблем современного общества, которое можно определить как общество метареальности или общество метамодерна. В рамках этого специфического общественного состояния мы можем говорить о такой области как метапрофилактика – то есть частной дисциплине, изучающей способы преодоления общественных деструкций в мире метамодерна.

Наконец, социотрия открывает дорогу к подготовке в будущем специалистов по исправлению общественных патологией – социаторов или профилакторов, которые на научной основе могли бы заниматься выработкой и внедрением решений конкретных общественных проблем, коих в современном мире огромное множество.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Бурдьё П. Социология политики ; перевод с французского: Г. А. Чередниченко. М., Socio-Logos, 1993. С. 159–177.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, Харьков, 1899. 352 с.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1912. 399 с.
6. Соловьев В. Теория О. Конта о трех фазисах в умственном развитии человечества. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 152–171.
7. Comte A. Discours sur l'esprit positif. Paris, 1844. 405 p.
8. Comte A. Cours de philosophie positif. Paris, 1869. –Vol 4. 170 p.
9. Comte A. Cours de philosophie positif. Paris, 1864. –Vol 6. 828 p.
10. Sica Alan. A Selective History of Sociology // The Wiley-Blackwell companion to Sociology. – Oxford, etc.: Wiley-Blackwell, 2012. 636 p.

11. Weber M. Röscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie // *Gesammelte Aufsätze Zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1922. 579 p.
12. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1922. Pp. 403–450.

FROM SOCIOLOGY TO SOCIOATRY: TO REFORM OF SOCIAL KNOWLEDGE

S. S. Bredikhin

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia*

The article analyzes the special state of sociology, both from the point of view of the basic foundations of these sciences and the contradictions inherent in them, and from the point of view of the current state and current decisions that are made within the framework of public requests. On the basis of the theoretical analysis carried out, the author comes to the conclusion about the unsatisfactory state of modern sociology, which is unable to solve the problem of modernity. As an alternative, a project of a new sociology is adopted, which is called «socioatry». The article gives a definition, outlines the basic principles and practical applications of this scientific discipline.

Key words: sociology, socioatria, sociotherapy, metamodern, metaprophyllaxis.

Сведения об авторе

Бредихин Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета; заведующий сектором мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. sergei189@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ МОНИТОРИНГА, АНАЛИЗА
И ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ
ПРОЯВЛЕНИЙ**

УДК 316.624.3
ББК 73

ОБНАРУЖЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗЫ СКУЛШУТИНГА В ТЕКСТОВЫХ ЗАПИСЯХ

Александр Бойдов

Младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа НИЦМП, г. Челябинск

Постоянное возникновение инцидентов со стрельбой в школах подчеркивает необходимость принятия превентивных мер. Базовые методы оценки угроз оказались плохой стратегией для решения проблемы, и новые исследования сосредоточены на дедуктивных подходах. Дедуктивные подходы к оценке угроз набирают обороты, и в настоящее время предпринимаются усилия по анализу текста для автоматического обнаружения угроз в письменном тексте. Автоматическое обнаружение и классификация угроз в цифровом мире может помочь лицам, ответственным за безопасность, сосредоточить усилия на непосредственных угрозах скулшутинга и вовремя принять превентивные меры, чтобы спасти жизни людей и другие ресурсы.

Ключевые слова: скулшутинг, утечка в текстовых записях, текстовые записи, буллинг, психические заболевания.

Скулшутинг является серьезной угрозой для современного общества, поэтому необходимо понять эту проблему в ее контексте и изучить все факторы, связанные с данным явлением. Изучение этих факторов поможет сконцентрироваться на значимых деталях и развеять мифы вокруг проблемы. В конечном итоге это поможет правильно представить более важные факторы в алгоритме, предложенном для классификации текста на основе серьезности угрозы скулшутинга, обнаруженной в тексте.

Роль психологических факторов.

К. Дж. Фергюсон считает, что психические заболевания, а не внешние факторы (просмотр фильмов с содержанием насилия, жестокие видеоигры, ношение «готической» одежды или прослушивание «странной» музыки) в основном ответственны за стрельбу в учебных учреждениях [4. С. 141]. Он рассматривает эти события как «неспособность общества в целом предоставить адекватные услуги по охране психического здоровья». При этом он уточняет, что не все люди с психическими заболеваниями склонны к насилию, и большинство из них – мирные граждане. К. С. Дуглас и др. согласны с Фергюсоном в том, что существует достаточно доказательств того, что «психические заболевания могут быть одним из факторов риска насилия, особенно у лиц с антисоциальными

чертами личности». Рассматривая подражательство, как одну из основных причин нападений на образовательные организации [3, С. 691], А. Семенов и др. говорят, что в большинстве случаев подражание не является причиной для скулшутинга. Более «правдоподобным объяснением» они считают психологические причины и психические заболевания скулшутеров. Они приводят в пример Эрика Харриса и Дилана Клиболда из школы «Колумбайн» и говорят, что первый был «психопатом», а второй страдал от «глубокой депрессии» [10. С. 241]. П. Ф. Лэнгман также упоминает о психических заболеваниях этих двух преступников [5. С. 80]. Он говорит, что Клиболд страдал шизофренией, а Харрис был психопатом. Вместе с тем, Семенов и др. убеждены в том, что психическое заболевание не является «достаточной причиной» для скулшутинга, поскольку в мире миллионы людей, имеющих те или иные психологические проблемы, но они не совершают массовых убийств [10. С. 235]. Также исследователи обращают внимание на тот факт, что ученики и мужского и женского пола в равной степени страдают от психических заболеваний, но число учеников женского пола, устраивающих стрельбу, намного меньше, чем число учеников мужского пола с зарегистрированной историей психических заболеваний.

Роль социальных факторов.

Роль социальных факторов при скулшутинге также актуальна. Чрезвычайные происшествия, включая нападение на образовательные организации, могут быть реакцией на социальную среду общества или социальную среду школы, в которой эта самая стрельба и происходит. Образовательная среда, в которой допускается "физическая или реляционная агрессия" со стороны ученика или группы учеников, например, спортсменов или богатых учеников, принадлежащих к элитному классу, всегда создает благоприятные условия для возникновения актов насилия, в связи с чем риск возникновения скулшутинга в таких образовательных учреждениях очень высок. К. С. Ньюман и др. говорят, что преступления социально и культурно обусловлены и являются одним из способов, с помощью которых молодые люди, преимущественно европеоидной расы пытаются решить свои проблемы в маленьких городах и деревнях [7]. Социальные проблемы могут стать причиной психологических проблем и серьезных психических расстройств в будущем. Поэтому преступник, имеющий социальные проблемы, может приобрести психическое расстройство или страдать от серьезной депрессии, и, следовательно, реальной причиной скулшутинга в таком случае является не психическое заболевание, так как оно было следствием, а не предшественником.

Роль политических факторов.

Семенов и др. упоминают о роли политики в скулшутингах и в качестве примера приводят влияние стрельбы в школе «Колумбайн» на других преступников, которые впоследствии воспроизводили данное событие [10. С. 239]. В данном случае стрелки хотели восстать против «буллинга», которому подвергались многие ученики от рук сильнейших представителей общества. Р. Ларкин говорит, что «Клиболд и Харрис своим нападением на

среднюю школу «Колумбайн» дали голос аутсайдерам, ученикам-неудачникам, тем, кто остался вне мейнстрима, жертвам охотников на более слабых представителей нашего общества» [7. С. 1310]. В случае с Себастьяном Боссе, который устроил стрельбу в средней школе Гешвицер Шолль в Германии, один из мотивов также был политическим, поскольку он заявил: «Жизнь бессмысленна в обществе, основанном на рыночной экономике. Постоянная погоня за деньгами – это не жизнь». Также нападение, одним из мотивов которого была политика, совершено Веллингтоном Менезесом де Оливейрой, устроившим стрельбу в муниципальной школе Тассо да Сильвейра в Рио-де-Жанейро. Среди записей, найденных в его доме, были такие, которые наводили на мысль о том, что он одержим идеей террористических актов. За два дня до стрельбы Веллингтон записал видео, на котором говорит: «Борьба, за которую многие братья погибли в прошлом, и за которую погибну я, происходит не только из-за того, что называется травлей. Наша борьба против жестоких людей, трусов, которые пользуются добротой, слабостью людей, неспособных защитить себя». Харрис, один из участников стрельбы в школе «Колумбайн», так же имел политический мотив, поскольку в своих сообщениях в Интернете он упоминал нацизм.

Роль культурных факторов.

Многие скулшутеры не могли описать свой мотив в предсмертных записках, которые они оставляли в сообщениях в Интернете или в видео. Большинство из них писали, что «ненавидят человечество». Исследователи считают, что это потому, что они следовали "культурному сценарию". А. Оксанен приводит пример Матти Саари, который не смог объяснить причину своего поступка, и в его предсмертной записке просто говорится, что он ненавидит человеческий род [8]. Семенов и др. говорят, что если Матти Саари ненавидел человеческий род, то почему тогда он решил устроить стрельбу именно в школе? [10. С. 245]. Почему он решил убить учеников? Они также приводят пример Харриса, который осознавал противоречия в обществе, к которому принадлежал, поскольку говорил, что «от тебя требуется быть индивидуальностью, но в то же время ты должен подчиняться тем же правилам и интересоваться теми же вещами, что и остальные».

Наблюдение за учениками.

Обычно, так называемые школьные стрелки подают предупреждающие сигналы сверстникам, а не взрослым. Согласно проведенному зарубежными исследователями анализу из 37 зарегистрированных случаев стрельбы в школах более чем в 70 % преступники сообщали о своих намерениях сверстникам, и только в двух случаях (5,4 %) намек на это получили взрослые. В. Н. Бендер и др. утверждают, что наиболее эффективным способом для выявления потенциальных школьных стрелков является умение учеников распознать угрозу и среагировать, и поэтому он утверждает, что наблюдение за сверстниками «многообещающе подходит для предотвращения насилия в школах» [2. С. 107]. Бендер и др. утверждают, что во всех случаях, которые они изучали, директор школы не имел ни о чем представления, но ученики знали о том, что «скоро что-

то произойдет». Бендер и др. приводят пример стрельбы в школе «Колумбайн», где ученики знали о так называемой «мафии в плащах», и даже учителя замечали происходящее, прочитав эссе по английскому языку одного из преступников, но когда полиция начала проводить следствие, директор школы заявил, что ни о какой «мафии» не слышал. Бендер и др. рекомендуют вести рейтинг учеников, который будет социометрическим показателем, помогающим выявить одиночек или непопулярных и нелюбимых детей в классе [1. С. 110].

Обычно некоторые ученики школы получают информацию о намерениях школьных стрелков, но эти ученики думают, что это будет подрывом доверия, если они расскажут об этом представителям администрации школы. Многие из этих учеников находятся в трудном положении, поскольку их также беспокоит, что они должны «попытаться предотвратить причинение вреда кому-либо в школе». Обычно сверстники успокаивают себя тем, что человек на самом деле не хочет причинить никому вред и просто пытается выместить злость путем агрессивных высказываний или намерений.

Раскрытие планов – утечка информации.

Д. М. Вайсброт утверждает, что термин «утечка» был впервые использован в контексте оценки угрозы М. Э. О'Тулом и др. для описания потенциальных «признаков, сигнализирующих о потенциально насильственном действии, включая чувства, мысли, фантазии, установки и намерения» [10, С. 32]. Некоторые исследователи считают, что утечка – это «крик о помощи», которым преступники обращаются к друзьям и/или родственникам и в процессе раскрывают им свой смертельный замысел. Вайсброт говорит, что примеры утечки «включают прямые угрозы или хвастовство об утечке, рисунки, интернет-сайты (например, YouTube), песни, татуировки, рассказы и комментарии в записных книжках, дневниках на темы смерти, расчленения, крови или философии конца света» [12. С. 850]. Бендер и др. приводят в качестве примера видео, которое Харрис и Клиболд сняли в рамках классной работы, где они показали мальчиков, «разыгрывающих сцену, включающую месть и насилие над другими» [2. С. 107]. Утечка должна рассматриваться в соответствующем контексте, иначе нельзя прийти к правильному выводу, если она рассматривается изолированно от него. Если человек одержим какой-то идеей, например, стрельбой в школе, то эта одержимость так или иначе выйдет на первый план и повлияет на его поведение, даже если он попытается сохранить это в тайне. Это изменение в поведении может быть замечено сверстниками, учителями или родителями, но часто игнорируется, тем самым упускается шанс предотвратить стрельбу в школе.

Многие психологические тесты используют эту склонность человека к утечке информации, несмотря на сознательные усилия скрыть ее. В качестве примера можно привести тест на завершение предложения, написание рассказа о себе или описание картинки. Вайсброт говорит, что в некоторых случаях утечку информации можно обнаружить, задавая простые вопросы об истории своей жизни, которые выявляют «скрытые агрессивные увлечения», если таковые имеются [12. С. 852]. Фергюсон приводит очень хороший пример того,

как выявить утечку в литературных произведениях, например, в истории с террористами, оружием, стрельбой и захватом заложников. Он говорит, что истории с такими элементами могут быть вымышленными, а их единственной целью может быть развлечение. «Например, история, в которой террорист врывается в школу, расстреливает учителей и учеников, а отдельный ученик убивает террориста и становится героем, вызывает гораздо меньше беспокойства, чем история, в которой отдельный ученик убивает учителей и учеников, особенно тех, кто «обидел» его» [4. С. 143].

В 1999 году Национальный центр анализа насильственных преступлений организовал симпозиум, на котором было детально изучено 18 случаев стрельбы в школах (включая как попытки, так и завершенные случаи). Главный вывод этого симпозиума, о котором сообщает Д. М. Вайсброт, заключается в том, что «скулшутеры сообщали о своих планах до того, как происходила стрельба, посредством прямых угроз или намеков в рисунках, дневниках или школьных сочинениях» [12. С. 850]. С. У. Твемлоу и др. говорят, что отрицание самого факта возможного совершения нападения на школу «может заставить школьный персонал предвзято относиться к таким «предупреждающим» сообщениям» [11. С. 450.].

На сегодняшний день самым достоверным исследованием, когда-либо проведенным по проблеме школьного насилия и имеющим надежные эмпирические доказательства, является исследование Секретной службы США и Министерства образования США. Целью исследования было получение адекватной информации, которая позволит властям разработать эффективные стратегии и политику для предотвращения скулшутинга в будущем. В данном исследовании рассматривалось 37 дел, в которых фигурировал 41 скулшутер. Каждое дело было передано двум лицам, взятым из пула экспертов для исследования, состоящего из квалифицированных криминалистов и социологов. Исследователи обнаружили, что в 81 % случаев, по крайней мере один не причастный человек, в основном сверстник, имел информацию, указывающую на то, что нападавший обдумывал или планировал нападение на школу; почти в двух третях случаев, более чем один человек имел информацию о нападении до того, как оно произошло. В одном случае «по меньшей мере 24 друга и одноклассника были предупреждены», а в других случаях некоторые преступники предупреждали своих близких друзей не ходить в школу в день стрельбы.

Однако информация, известная другим ученикам или друзьям, редко передавалась взрослым. Утечка может произойти в любом из мест в социальном окружении учащегося, при этом школа является тем местом, где вероятность утечки гораздо выше. Пока учащийся находится в школе «его намерение совершить насилие вытекает из него самого» утверждают Твемлоу и др [11. С. 450]. Фергюсон полагает, что по данным Секретной службы США, в 93 % случаев «у нападавших были заметны изменения в поведении, которые вызывали тревогу у сверстников, родителей, учителей или специалистов по психическому

здоровью. К таким формам поведения относятся фантазии о насилии, особенно в отношении невинных целей» [4. С. 152].

Семенов и др. утверждают, что все наиболее известные школьные стрелки, устроившие стрельбу в образовательных организациях после 2005 года, были активными пользователями Интернета и «оставили следы, которые позволили бы оценить их намерение напасть на школу». Одним из примеров является послание Харриса ко всему миру, которое он разместил задолго до стрельбы. Другой пример утечки – флэш-карикатуры, сделанные Джеффри Вайзом, стрелком, устроившим стрельбу в старшей школе Ред-Лейк, штат Миннесота. Эти карикатуры, изображающие стрельбу и самоубийство, Джеффри загрузил в свой профиль на сайте newgrounds.com [10. С. 150].

Таким образом, результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что существуют характерные признаки, в том числе поведенческие реакции и текстовая трансляция убеждений, свидетельствующие о склонности обучающегося, или его намерении совершить вооруженное нападение на образовательную организацию. Описаны основные факторы, способствующие формированию у обучающегося агрессивного поведения и желания убивать, знание и понимание которых поможет предотвратить трагедию. Кроме того, мы выяснили, что для предотвращения скулшутинга стоит обращать внимание не только на детей, входящих в «группу риска», но и на их окружение, т.к. они также могут быть источником информации о трансляции идей потенциального скулшутера.

Список литературы

1. Bender W. N. Violence Prevention In the Schools. An invited workshop presented at the Doylestown Public School Board of Education Office. Doylestown, PA. 1999, 113 p.
2. Bender W. N., Shubert T. H., & McLaughlin, P. J. Invisible Kids: Preventing School Violence by Identifying Kids in Trouble. *Intervention in School and Clinic*, 37 (2), Pp. 105–111.
3. Douglas, K. S., Guy, L. S., & Hart, S. D. (2009). Psychosis as a risk factor for violence to others: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 135 (5), 679–706.
4. Ferguson C. J. The school shooting/violent video game link: causal relationship or moral panic? *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 2008, 5 (1-2), Pp. 25–37.
5. Langman P. F. Why kids kill: inside the minds of school shooters (1 ed.). New York: Palgrave Macmillan. 2009, 256 p.
6. Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts. *American Behavioral Scientist*, 2009, 52 (9), Pp. 1309–1326.
7. Newman K. S. Fox C. Harding D. Mehta J. & Roth W. Why Violence Erupts in Close-Knit Communities – And what can be done to stop it. In *Rampage: the social roots of school shooting*. New York: Basic Books. 2005. 432 p.
8. Oksanen A. Vihan kasikirjoitus (The script for violence). *Helsingin Sanomat*, 2010. 59 p.

9. O'Toole M. E. The school shooter: a threat assessment perspective. Quantico: Federal Bureau of Investigation Academy, 1999. 52 p.

10. Semenov A., Veijalainen J., & Kyppö J. Analysing the presence of school-shooting related communities at social media sites. *International Journal of Multimedia Intelligence and Security*, 2010. № 1 (3). Pp. 232–268.

11. Twemlow S. W., Fonagy P., Sacco F. C., O'Toole M. E., & Vernberg E. (2002). Premeditated Mass Shootings in Schools: Threat Assessment. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, № 41 (4), Pp. 475–477.

12. Weisbrot D. M. Prelude to a School Shooting? Assessing Threatening Behaviors in Childhood and Adolescence. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2008. № 47 (8). Pp. 847–852.

THREAT DETECTION AND CLASSIFICATION OF SCHOOL SHOOTING IN TEXTUAL LEAKAGE

A. S. Boydov

*Chelyabinsk Institute for the Development of Professional Education; Chelyabinsk,
Russia*

The persistence of school shooting incidents underscores the need for preventive measures. Inductive threat assessment measures have proven to be a poor strategy for addressing the problem, and new research is focusing on deductive approaches. Deductive approaches to threat assessment are gaining momentum, and efforts are underway to analyze text to automatically detect threats in written text. Automatic threat detection and classification in the digital world can help decision makers focus on the immediate threats of school shooting and take preventive measures in time to save lives and other resources.

Keywords: school shooting, leakage, bullying.

Сведения об авторе

Бойдов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных явлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. jagger982@gmail.com

УДК 342.745
ББК 67.042

ПОИСК НОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ АНАЛИЗА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕСТРУКТИВНЫХ УГРОЗ

Андрей Бутаков

Младший научный сотрудник
сектора мониторинга и анализа
НИЦМП, г. Челябинск

В статье рассматриваются особенности выявления и мониторинга, виды и методы анализа деструктивного контента. Акцентируется внимание на современных методах поиска и анализа деструктивных проявлений в Челябинской области. Как инструмент анализа и визуализации данных по ключевым показателям деструктивных проявлений описана Интерактивная карта деструктивных проявлений в Челябинской области. В том числе рассмотрен процесс подготовки данных для Интерактивной карты.

Ключевые слова: маркеры, деструктивный контент, деструктивные сообщества, интернет-угрозы, анализ, Интерактивная карта.

Цифровая среда в условиях вынужденных трансформаций требует как переосмысления научных ориентиров, так и проработки вопросов их практической реализации. Как отмечают эксперты, коммуникативная сфера детей, подростков, да и зачастую взрослых людей постепенно перемещается в виртуальное пространство, в социальные сети [1. С. 290].

Бурное развитие методов обработки информации, рождение новых направлений массовой культуры и идеологий субкультур, доминирующих в молодежных движениях, оказывает значительное влияние на становление личности детей и подростков.

Замечено, что в Интернете можно найти как необходимые материалы, так и информацию, содержащую угрозу психологической и даже физической безопасности для пользователей сетей. Стремительное развитие в области медиапространства привело к увеличению онлайн-активности не только добропорядочных пользователей, но и злоумышленников, вовлекающих детей и подростков в деструктивные сообщества. Вместе с тем невозможно обеспечить пользователей Интернета только качественным контентом.

На данный момент значительно возрос риск угроз в сети Интернет, которые могут стать опасными для жизни и здоровья детей и подростков. Это влечёт за собой необходимость проведения постоянного мониторинга интернет-пространства для своевременного обнаружения новых рисков, при этом критически важно формирование совокупных мер по их предупреждению и сведение интернет-угроз к минимуму [4. С. 9].

Информационная безопасность несовершеннолетних является одной из важнейших функций государства.

По результатам исследования, проведённого ВЦИОМ в 2021 году, основную информацию респонденты от 18 до 34 лет получают посредством Интернета и социальных сетей [6].

Около половины населения (46 %) сомневается в своих возможностях определить правдивость информации, которая распространяется в Интернете [3. С. 125]. По данным исследования Stanford History Education Group, дети и подростки, как и взрослые люди, с большим трудом могут отличать вымысел от правды в Интернете [9].

Учитывая динамику роста и обновления информации, становится невозможным в полной мере контролировать содержание контента силами одних только модераторов, как распространено в практике социальных сетей. Также можно заключить, что на данное время нет эффективных приемов и методов для адекватного реагирования и противодействия влиянию деструктивного контента на человека и общество в целом.

Дадим определение деструктивного контента. Интернет и социальные сети являются средой для трансляции деструктивного информационно-психологического воздействия. Ненормативная лексика, оскорбительные высказывания, призывы к агрессии, а также информация, которая противоречит нормам закона и запрещена к распространению, являются информативными показателями деструктивного контента. Создатели и распространители деструктивного контента ставят целью трансляцию необходимой повестки дня, фокусирование на темах, являющихся конфликтными для общества. Деструктивный контент способен повлиять на человека как на целостную личность.

Деструктивные угрозы находятся больше в поле психологического воздействия на самоопределение потребителя информации в социуме, его ценностные ориентиры. Это влияет на принятие решений индивидом и негативно отражается на его личности.

Разнообразие форм проявления деструктивного контента ставит задачи поиска действенных методов противодействия [5. С. 336].

Эксперты в системе профилактики деструктивных проявлений выделяют следующие деструктивные угрозы, циркулирующие сегодня в сети Интернет:

1. Рост уровня информационной агрессии и как следствие возрастание угроз радикализации.
2. Распространение деструктивного контента.
3. Вербовочная деятельность международных террористических и экстремистских организаций.
4. Распространение фейковой информации [2. С. 316].

Цель статьи, с учётом вышеизложенного – описать методики выявления аудитории, вовлеченной в группы деструктивной направленности, а также дать описание инструмента визуализации и анализа данных.

Медиаграмотность и медиабезопасность людей становятся темами повышенного внимания со стороны органов власти. В сентябре 2022 года, путем расширения функционала и штатной численности ранее действовавшего на базе Челябинского института развития профессионального образования Центра мониторинга социальных сетей, учреждён Научно-исследовательский центр мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде (далее – «НИЦМП»). Одно из направлений НИЦМП – организация мониторинга и анализа деструктивных проявлений, в том числе в сети Интернет.

Специалистам НИЦМП удалось выстроить региональную систему мониторинга, имеющую несколько уровней. В данной статье мы рассмотрим следующие:

– Алгоритм проведения мониторинга находящихся на территории Челябинской области пользователей социальных сетей в возрасте от 14 до 30 лет, состоящих в группах деструктивной направленности.

– Интерактивную карту деструктивных проявлений в Челябинской области (далее – ИК), представляющую собой инструмент анализа и визуализации данных по ключевым показателям деструктивных проявлений в Челябинской области.

Рассмотрим более подробно уровни региональной системы мониторинга.

В рамках нашего исследования как основной инструмент для решения задачи выявления деструктивного контента были использованы специально разработанные системы маркеров [8. С. 43]. Среди признаков, являющихся маркерами экстремизма, для проведения данного исследования мы выделяем виртуальные маркеры [7].

Для оперативного поиска пользователей, проявляющих деструктивное поведение в социальных сетях, а также групп деструктивной направленности используются специализированные маркетинговые платформы подбора целевой аудитории. При этом для поиска по каждому деструктивному направлению разработана своя система виртуальных маркеров.

1. Маркеры увлечения учащихся суицидальными практиками.
2. Маркеры увлечения учащихся субкультурой «колумбайн».
3. Маркеры увлечения учащихся ультраправой идеологией.
4. Маркеры увлечения учащихся идеологией радикальных религиозных организаций.
5. Маркеры увлечения учащихся субкультурой «оффников».

Результатом проведения мониторинга являются списки сообществ по деструктивным направлениям, а также базы данных пользователей, состоящих в этих сообществах, разбитые на необходимые для дальнейшего анализа группы по деструктивным направлениям. Система маркеров для осуществления дальнейшего адресного мониторинга обновляется с периодичностью раз в квартал, в том числе формируется Интерактивная карта деструктивных проявлений.

Далее рассмотрим Интерактивную карту более подробно. В настоящее время ИК находится на стадии бета-версии и содержит 133 раздела (листа)

данных, включающих более 90 тыс. строк, 15 диаграмм и 10 карт. ИК реализована на базе общедоступных таблиц Excel, что позволяет использовать инструмент на любом компьютере. В текущей версии ИК позволяет реализовать следующие функциональные возможности: анализ статистики по количеству региональных аккаунтов, состоящих в группах деструктивной направленности по различным деструктивным проявлениям в период с 2020 по ноябрь 2022, визуализация данных в виде диаграмм и карт, охватывающих все периоды имеющихся данных; анализ динамики изменения показателей; рейтингование муниципалитетов по каждому показателю и сводные таблицы по региону. С учетом возрастания рисков проявления различных угроз в настоящее время данные ИК обновляются ежемесячно.

В заключении следует отметить, что специалистами НИЦМП проводится разработка и применение новых методологических инструментов, которые позволяют выявлять и наглядно демонстрировать данные по ключевым показателям деструктивных проявлений в Челябинской области.

Список литературы

1. Азарова С. Г., Тукфеева Ю. В. Профилактика деструктивного влияния социальных сетей как угрозы безопасности психологического, социального и физического здоровья для современных подростков // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Тольятти, 20–21 апреля 2017 года. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2017. С. 290–293.

2. Бредихин С. С. Щетинина Е. В. Об актуальных вопросах медиабезопасности на территории Челябинской области // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22–24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 315–321.

3. Волков Д. А., Гончаров С. В. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 1–2 С. 105–128.

4. Исрафилов И. М. Интернет-угрозы в механизме вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества // Вопросы ювенальной юстиции. 2022. № 1. С. 9–14.

5. Клементьев Ю. А., Бутаков А. В. Современные инструменты и методики организации мониторинга деструктивного контента в сети Интернет // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22–24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 335–339.

6. Медиапотребление в России сегодня. Опрос «ВЦИОМспутник». // ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/user_upload/2021_media.pdf (дата обращения: 17.10.2022).

7. Система маркеров определения учащихся «группы риска» : методические рекомендации // Челябинский институт развития профессионального образования. URL : https://chirpo.ru/files/socseti/extrem/Markery_vyuavlenia_uchaschikhsya_gruppy_riska.pdf (дата обращения: 25.12.2022).

8. Щетинина Е. В., Бредихин С. С. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде // Обзор. НЦПТИ. – 2020. – № 3 (22). – С. 43–47.

9. Wineburg S. McGrew J., Breakstone T. Evaluating Information: The Cornerstone of Civic Online Reasoning. Stanford Digital Repository. // Stanford Digital Repository. 2016. URL: <http://purl.stanford.edu/fv751yt5934> (дата обращения: 17.10.2022).

SEARCH FOR NEW METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF POTENTIAL RISKS OF DESTRUCTIVE THREATS

A. V. Butakov

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education
Chelyabinsk, Russia*

The article discusses the features of detection and monitoring, types and methods of analysis of destructive content. The attention is focused on modern methods of search and analysis of destructive manifestations in the Chelyabinsk region. As a tool for analyzing and visualizing data on key indicators of destructive manifestations, an interactive map of destructive manifestations in the Chelyabinsk region is described. Including the process of preparing data for the Interactive map

Key words: markers, destructive content, destructive communities, Internet threats, analysis

Сведения об авторе

Бутаков Андрей Васильевич – младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия, Andreybutakov81@gmail.com

УДК 004.738.52
ББК 76.00

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ ПО ЗАЩИТЕ ДНР И ЛНР

Юрий Клементьев

Научный сотрудник сектора
мониторинга и анализа
НИЦМП, г. Челябинск

В статье проиллюстрированы механизмы воздействия фейковых новостей на формирование общественного мнения на примере медийного контента, освещающего мероприятия, связанные с проведением Россией действий по защите ДНР и ЛНР. Исходя из того, что основная цель распространения фейковых новостей – манипуляция сознанием людей, в статье отмечается, что на сегодняшний день как никогда актуальна разработка эффективных механизмов нивелирования воздействия ложной информации. Также затрагиваются правовые аспекты ответственности за распространение фейкового контента.

Ключевые слова: медиабезопасность, медийная коммуникация, фейковые новости, языковое манипулирование.

Специальная операция на Украине находится в центре информационной повестки мировых СМИ. Очевидно, что в период проведения специальной военной операции как российское, так и зарубежное медийное пространство наполнено фейковыми новостями, что является неотъемлемой частью информационной войны. В связи с этим представляется актуальным осветить вопрос распространения фейкового контента и его влияния на общество. Проблема видится в том, что, несмотря на очевидный факт значительного влияния фейковой информации на общественное настроение, что может иметь негативные последствия как для государства, в целом, так и для граждан, в частности, до сих пор нет эффективного механизма нивелирования воздействия фейковых новостей. Вопросами исследования являются влияние дезинформации на пользователей СМИ, социальных сетей и популярных мессенджеров в условиях проведения СВО (специальная военная операция); установление, остаются ли авторы фальшивых новостей безнаказанными. Цель работы – установить роль фейковой информации относительно позиции России по защите ДНР и ЛНР. Материалом исследования послужили медийные статьи, опубликованные в общедоступных ресурсах. Методы исследования – систематизация, описание, дискурсивный анализ.

На первом этапе исследования была проведена систематизация подходов исследователей [3; 5; 6; 7; 8; 9] к определению понятия фейковой информации, что необходимо для того, чтобы определить критерии выборки эмпирического

материала для проведения исследования. Дональд Барклай приводит следующее определение понятию фейковые новости: «это любая неверная информация, намеренно созданная под видом факта». Похожее определение дают А. П. Суходолов и А. М. Бычкова: «фейковая новость – это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично». В рамках данной статьи фейковые новости понимаются как широкий спектр ложной информации и дезинформации, охватывающей тему СВО на всех медийных платформах и в любом жанре.

Рассмотрим некоторые примеры и определим, как дезинформация влияет на пользователей СМИ, социальных сетей и популярных мессенджеров в условиях проведения СВО, а также приведем статистические данные.

Так, 23 октября 2022 г. в некоторых СМИ (в частности, в телеграм-канале Медуза-LIVE, признан иностранным агентом в Российской Федерации) появилась информация о том, что в Москве начали проверять состояние бомбоубежищ в школах, потребность в которых может возникнуть в связи с угрозой, исходящей с территорий ДНР и ЛНР. Как следствие, администрация города получила множество обращений от родителей обучающихся, желающих понять, правда ли это. Также отмечалось, что якобы детей могут эвакуировать в неизвестном направлении. В данном случае результатом распространения фейковой новости стала паника среди взрослого населения Москвы, что и является основной целью распространения фейкового контента [4]. В рамках предотвращения дальнейшего распространения ложной информации и с целью стабилизации общественного настроения активисты оперативно связались с министром просвещения Сергеем Кравцовым, чтобы понять, были ли такие указания и насколько вообще эта информация соответствует действительности. Он заверил, что никаких специальных указаний не было, таким образом, данная информация, распространяемая через СМИ, признанными иноагентами в России, – фейк, очередная попытка дестабилизировать ситуацию в стране через информационные каналы.

Киевские власти – один из источников большого количества фейковых новостей относительно действий российских военных. Так, вслед за Бучей, Ирпенем и Изюмом начинается организация очередного фейка. На этот раз – в Лимане. Сценарий используется один и тот же – в городе, откуда ушли российские силы находят «массовые захоронения». При этом представители киевских властей раскапывают обыкновенное кладбище, на котором захоронены погибшие в результате артиллерийских обстрелов, вперемешку с умершими от естественных причин людьми. В Изюме, к примеру, вскрывались индивидуальные могилы, где на кресте были написаны ФИО усопшего. Это делается для того, чтобы сформировать волну ужаса и негодования против России. В Лимане иностранный агент официального немецкого СМИ «Немецкая волна», рассказывает, что массовое захоронение обнаружили в освобожденном городе Лиман в Донецкой области, сообщает «Громадське». Судя по снимкам, опубликованным изданием, часть из 50 могил обозначена табличками с именами, еще часть пронумерована. По данным «Громадське», там похоронены мирные

жители. Однако стоит отметить, что массовое захоронение – это одна могила для большого количества погибших, братская могила. Когда рядом стоят 50 табличек на 50 могилах – это кладбище. При этом тот факт, что все свежие могилы на кладбище в Лимане появились от огня и атак ВСУ, как и большинство более старых, украинские СМИ и западные журналисты писать не будут.

Ввиду того, что каналы распространения фейковой информации очень обширны, затруднительно привести точные статистические данные, какую долю от общего информационного фона составляет ложная информация. Тем не менее, некоторые данные свидетельствуют о том, что порядка 80 % информации, распространяемой в СМИ, нельзя считать достоверной, поскольку она либо носит дезинформирующий характер, либо содержит объективное, предвзятое журналистское мнение [10]. Правительство РФ активно борется с распространением фейкового контента, на сегодняшний день существует административная (штраф до 500 тыс. руб.) [1] и уголовная (лишение свободы до 3-х лет) [2] ответственность за публикацию недостоверной информации. Однако на практике еще не разработаны эффективные механизмы, которые позволили бы оперативно и эффективно устанавливать отправителя фейкового сообщения.

Таким образом, цель распространения фейковой информации – попытки манипуляции сознанием людей. Ставя под сомнение их безопасность, создатели фейкового контента, пытаются дестабилизировать общественное спокойствие, что может создать благодатную почву для раскола в обществе и ослабления позиции государства. Следует помнить, что главными признаками фейков являются: кликбейтный заголовок, странный дизайн, сомнительный автор, эмоциональность изложения, срочность, безапелляционность, отсутствие конкретики, использование упрощенной логики, грамматические и фактические ошибки. В рамках борьбы с такого рода явлениями, необходимо очень внимательно относиться к прочитанному в новостях, не доверять сомнительным источникам информации и перепроверять фактуру новости.

Список литературы

1. Кодекс об административных правонарушениях. Текст с изменениями и дополнениями на 1 декабря 2022 года (+ путеводитель по судебной практике) / С. В. Глазунов – М. Эсмо. 2022 г. – 897 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 1 апреля 2022 г. – М.:ПРОСПЕКТ,2021. – 784с.
3. Богословская В. Р., Шарков Ф. И. Феномен фейковых новостей: обзор исследований последних лет // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 6. С. 111–118.
4. Бодулева А. Р. Языковые особенности фейковых новостей (на материале фейковых новостей о Дональде Трампе и предвыборной кампании США 2020) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. № 14. С. 466–473.
5. Дамёткина Е. Д., Коростелева Е. И. Фейковые новости как манипулятивный инструментарий внешнеполитической борьбы // Постсоветские исследования. 2019. № 4. С. 1125–1232.

6. Мищенко С. А., Осташевский А. В., Крайних И. Г. Фейковые новости в российских Интернет-СМИ: правовое регулирование // Историческая социально-образовательная мысль. 2020. № 12. С. 85–92.

7. Пейчева А. А. Пропаганда и фейковые новости // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 4(130). С. 116–120.

8. Пилипенко А. В. Проблема фейковых новостей в современном медиaprостранстве России // Молодежь – Барнаулу. 2019. С. 207–208.

9. Рассадина А. А. Фейковые новости и информационные фильтры как инструменты формирования общественного мнения в современном медиaprостранстве // Трансформация медиасреды в XXI веке. 2019. С. 401–411.

10. Саркисянц В. Р., Рябова М. В. Фейковые новости: коммуникативный и лингвоюридический аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 209–220.

FAKE NEWS ABOUT RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION TO PROTECT DPR AND LPR

Y. A. Klementyev

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education
Chelyabinsk, Russia, klementev.93@mail.ru*

The article illustrates the mechanisms of influence of fake news on the creation of the general public on the example of media content covering events related to Russia's actions to protect the DPR and LPR. Based on the fact that the main goal of spreading fake news is to manipulate people's minds, the author of the article notes that today, more than ever, the development of effective mechanisms for leveling the impact of false information is relevant. The legal aspects of responsibility for the dissemination of fake content are also touched upon.

Keywords. media security, media communication, fake news, language manipulation

Сведения об авторах

Клементьев Юрий Андреевич – научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования, Челябинск, Россия. klementev.93@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ И МЕДИЙНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ В РАЗРЕЗЕ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ

УДК 316.472.4
ББК 76.0

ОСОБЕННОСТИ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Анастасия Арсентьева

Младший научный сотрудник
сектора исследований
педагогических инструментов
НИЦМП, г. Челябинск

В данном исследовании мы анализируем популярные сообщества в социальной сети ВКонтакте, которые не всегда публикуют качественный контент. Иногда авторы, в попытке набрать большое количество лайков или из желания пошутить на пограничную тему, выкладывают записи деструктивного свойства. К подобным темам можно отнести романтизацию социально опасных явлений, распространение шокирующего контента, заигрывание с темой фашизма, объективацию и обесценивание женщин, высмеивание темы самоубийства.

Ключевые слова: Интернет, социальные сети, ВКонтакте, деструктивный контент, анализ.

Социальные медиа стали каждодневной рутиной большинства людей, поэтому сейчас средний пользователь проводит в Интернете почти семь часов в день, то есть более 40 % бодрствования [6]. В социальных сетях пользователи предпочитают общаться, скроллить ленту новостей, переходить в сообщества по интересам, смотреть короткие видео. С недавнего времени исследователи выявили новый термин, которым также можно описать деятельность пользователя социальной сети – думскроллинг. Под данным термином понимается феномен траты чрезмерного количества времени на негативные новости, которые оказывают деструктивное влияние [1].

Через общение в социальных сетях каждый пользователь может оказывать влияние на свою аудиторию (например, если ведет сообщество), а также на других людей в личных сообщениях либо комментариях. Сегодня автор осознает силу своих возможностей и, исходя из приблизительного представления о составе аудитории, начинает говорить о социально значимых проблемах [4. С. 93].

По статистике Brand Analytics за 2022 год ВКонтакте снова занимает лидирующее место среди социальных сетей Рунета по количеству новых авторов и объему создаваемого контента [2]. Данные изменения в первую очередь связаны с тем, что ряд социальных сетей теперь признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации.

На сайте Минюста России размещен Федеральный список экстремистских материалов, который регулярно пополняется. Данный список материалов формируется на основании поступающих в Минюст копий, вступивших в

законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими [5]. На данный момент в реестр внесено 5 334 материалов, последние из которых добавлены 29 декабря 2022 года.

Исходя из сегодняшней ситуации с социальными сетями, актуализируются проблемы медиабезопасности и распространения деструктивного контента именно на ресурсе ВКонтакте. Поднимается закономерный вопрос: публикуется ли на анализируемой платформе потенциально опасный контент для пользователей? Если да, то в каких видах и на какую аудиторию транслируется подобная информация. *Цель нашего исследования* – выявить способы трансляции деструктивного и пограничного контента в популярных группах ВКонтакте.

Материалом исследования первично послужили суммарно более 1 000 записей в сообществах, которые занимают лидирующие места в топ-100 самых популярных групп социальной сети ВКонтакте по количеству подписчиков и активности внутри группы. На втором этапе анализ контента составил около 100 публикаций за 2023 год, которые мы посчитали спорными.

При написании статьи нами были использованы следующие *методы исследования*: описание, обобщение, анализ контента.

Представим основные результаты исследования, раскрывающие поставленную нами проблему.

Замечена романтизация деструктивной эстетики, которая не всегда призывает к чему-либо, но формирует представления аудитории о тех или иных явлениях. Так, например, сообщества, в которых обсуждается внешность и вес знаменитостей, и пропагандируются нездоровые диеты, могут оказывать влияние на подростков, у которых еще нет устойчивой самооценки. Речь идет о пабликах «90-60-90 | Спортивные девушки» (5 794 403 подписчика) и «40 кг» (5 060 982 подписчика), которые паразитируют на теме стандартов внешности для женщин и иногда детей.

Особое опасение вызывает публикация «до и после», где показаны результаты похудения мальчика, которому на вид не больше трех лет. Эту запись с подписью «Когда даже детки хотят выглядеть стройными» просмотрела 71 тысяча пользователей ВКонтакте (https://vk.com/wall-39728801_3330563). На удивление, в комментариях никто не усомнился в моральной стороне вопроса детского похудения, зато запись поддержало всего лишь 125 человек. Подобный разрыв между количеством подписчиков и количеством лайков может говорить о двух вещах: владельцы сообщества искусственно приращивают аудиторию для крупных цифр, либо большинство подписчиков просто не заходят в это сообщество (например, подписались пять лет назад и не проявляют активность в группе).

Также в публикациях других групп из данного списка временами прослеживается идеализация образов людей, совершивших самоубийство и тюремных заключенных. Записи такого рода формируют неправильное представление о деструктивных проявлениях.

Контент непредназначенный для лиц младше 18 лет находится в свободном доступе. Сообщества из списка топ-100 часто размещают контент со

сценами жестокости и эротики, который транслируется на миллионную аудиторию без соответствующей цензуры.

Например, сообщество «ТОПОР | Хранилище» (4 548 345 подписчиков) специализируется на публикации новостей-происшествий, где подробно показаны и описаны сцены аварий, самоубийства, фотографии пострадавших. Обычно особо жестокие моменты прикрывают в программе фотошоп, но в некоторых случаях так не поступают, хотя такие публикации могут шокировать молодую и впечатлительную аудиторию. Например, запись «В Омске женщина пожаловалась на то, что обнаружила в водопроводной воде кусок чьей-то кожи с волосами» была проиллюстрирована фотографией с места события без какой-либо цензуры (https://vk.com/wall-184225789_15898268).

Также пользователи смогли увидеть достаточно жестокий момент, как муж и жена избивают друг друга гитарой по голове с ироничной подписью «Не может быть полноценных романтических отношений без гитары» (https://vk.com/wall-184225789_15881835). В комментариях подписчики поддержали саркастичный тон автора и подробно обсуждали увиденное, как будто данное поведение считается нормой.

Стоит сказать, что в подобных группах крайне редко проводится внимательная модерация, поэтому в комментариях регулярно можно найти нецензурную лексику, хейтспич, завуалированные ссылки и скриншоты из закрытых Telegram-каналов, которые публикуют порнографию (иногда детскую).

Тема фашизма обыгрывается в формате коротких видео, которые пользуются сегодня наибольшей популярностью у аудитории. Зарубежные исследования приложений для создания видеороликов такого формата показали, что просмотр эпизодов на мобильных устройствах должен быть коротким, чтобы заинтересовывать зрителей [7. С. 84]. Сегодня Клипы в социальной сети ВКонтакте подключают почти все крупные сообщества, чтобы привлечь большее количество пользователей и увеличивать число подписчиков.

Сообщество «МДК» (12 003 297 подписчиков) время от времени размещает у себя Клипы, в которых косвенно упоминается идеология фашизма. Так в видео, которое посмотрело 8 миллионов пользователей, показано, что в ночном клубе Германии под музыку звучит призывная речь Гитлера (https://vk.com/clip-57846937_456399870). Авторам кажется забавным обыгрывание стереотипа, что в современной Германии все еще активно поощряется нацизм.

В Клипе на 276,3 тысячи просмотров написано следующее: «Я возвращаюсь назад во времени, чтобы исключить Адольфа из художественной школы в наказание за то, что он сделал» (https://vk.com/clip-57846937_456410678). Считается, что именно из-за инцидента в художественной школе Гитлер организовал национал-социалистическую партию. Иными словами, авторы иносказательным образом говорят, что были бы согласны на повторение Второй мировой войны, даже если они знают о последствиях.

С одной стороны, описанные случаи могут показаться смешной шуткой, но с другой стороны – поддержание подобных стереотипов без очевидной негативной оценки также актуализирует неверное отношение к опасной идеологии.

Агрессивный настрой по отношению к женщинам и объективацию женского тела также можно найти в группах-миллионниках ВКонтакте. Как показывает наш анализ, если на аватарке сообщества изображено женское тело в минимальном количестве одежды и без лица, то в этой группе будет много стереотипных и злых шуток. Однако не все сексистские мемы можно назвать деструктивными.

Бытовое высмеивание женщин скорее является поводом насторожиться, потому что в дальнейшем такие шутки могут перерасти в жестокий антифеминизм, как и случилось с группой «Мужское государство», которое признали экстремистской организацией на территории Российской Федерации. Идеологически данное сообщество поддерживало русский ультранационализм, антифеминизм, гомофобию и национал-патриархат.

Исследователи из университета Вены выяснили, что объективация и намеренная сексуализация женских образов в массмедиа влияет на общее отношение к женщинам и за пределами Интернета [3].

Например, поддержка идеи сексуализации образов молодых учителей в сообществе «Черный юмор» (4 844 969 подписчиков) может привести к тому, что мужчины-подписчики перестанут видеть в женщинах профессионалов и будут обращать внимание только на их внешность (https://vk.com/wall-40835481_3117844).

В паблике «Я тебя хочу» (7 447 253 подписчиков) пользователям кажется смешным реакция ребенка на танец живота, который исполняет взрослая женщина (https://vk.com/wall-43776215_26099922). «С этого момента его перестал интересовать майнкрафт», – так подписали данное видео владельцы сообщества. Поднимается этический вопрос, насколько допустимо шутить на данную тему и делать вид, что женское тело является сексуальным объектом в глазах ребенка, как и у взрослого мужчины.

Шутки про смерть и самоубийство снижают серьезность данных проблем в глазах аудитории или могут послужить триггером. Например, в сообществе «ЁП» (10 159 939 подписчиков) в последнее время был замечен повышенный интерес к мемам на тему суицида, которые набирают большое количество лайков и репостов.

Так, комикс, в котором один человек покончил с жизнью, а прохожий подвесил его за ноги и сделал из первого качели, посмотрел почти один миллион пользователей, а сделали репост 12 366 подписчиков (https://vk.com/wall-12382740_879768).

На фоне первого примера остальные могут показаться не такими шокирующими, но тоже показательными и сомнительными: попугай надевает другой птице на шею петлю с подписью «Главное в жизни – поддержка» (https://vk.com/wall-12382740_880056), заметка «хоть бы не помереть» из

личного дневника в графе «мотивация на весь день/год/жизнь» (https://vk.com/wall-12382740_880055). Такие шутки наравне с высмеиванием депрессии обесценивают проблемы, которые для кого-то из подписчиков могут быть очень серьезными.

Не стоит также забывать об эффекте Вертера, когда освещение одного суицида может запустить волну подражателей, поэтому с данной темой нужно быть особенно аккуратными в социальных медиа.

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что особой популярностью среди аудитории ВКонтакте пользуются группы, в которых замечен контент, граничащий с морально-этическими нормами. Приведённые выше записи не несут прямых угроз, поэтому и не блокируются социальной сетью. Однако все равно заключают в себе риски с точки зрения медиабезопасности и влияния на сознание пользователей.

Улучшение описанной выше проблемы нам видится только в том случае, если внимательные пользователи будут сами жаловаться на сомнительный контент и тем самым привлекать внимание администрации социальной сети к подобным публикациям.

Список литературы

1. Думскроллинг // Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Думскроллинг> (дата обращения 14.01.2023).
2. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022. // Brand Analytics URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/>. (дата обращения 14.01.2023).
3. Чем опасна объективация и намеренная сексуализация женских образов // Деловой Петербург URL: https://www.dp.ru/a/2018/02/01/Opasnaja_krasota (дата обращения 14.01.2023).
4. Шатаева О. В., Коршунова Н. Е., Никитюк В. А. Этническая толерантность сотрудников организации г. Москвы. – М. : Директ-Медиа, 2015. 170 с.
5. Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=53&> (дата обращения 14.01.2023).
6. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете и социальных сетях – главные цифры // Sostav.ru URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения 14.01.2023).
7. Hara K. O., Mitchell A. S., Vorbau A. Consuming Video on Mobile Devices // SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 2007. 864 p.

FEATURES OF DESTRUCTIVE CONTENT IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

A. D. Arsenetva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. anastasia_arsenetva@mail.ru

In this study we analyze popular communities in the social network VKontakte, which do not always post high-quality content. Sometimes the authors want to get a large number of likes or want to make a joke about a borderline topic. Therefore, they post records of a destructive nature. Such topics include romanticizing dangerous phenomena, spreading shocking content, flirting with the theme of fascism, objectifying and devaluing women, and ridiculing the topic of suicide.

Key words: Internet, social networks, VKontakte, destructive content, analysis.

Сведения об авторе

Арсентьева Анастасия Дмитриевна – младший научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. anastasia_arsenetva@mail.ru

УДК 316.47
ББК 60.524

МАРКЕРЫ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА АУДИТОРИИ

Анна Морозова

Кандидат филологических наук
заведующий сектором
исследований педагогических
инструментов НИЦМП, г.
Челябинск

Статья направлена на изучение отношения молодежи к признакам, наблюдающимся у людей из их окружения, которые в совокупности могут стать маркерами экстремистских проявлений. В качестве материала исследования выступили результаты социологического онлайн-опроса школьников и студентов, а также молодежи (N=200). Анкетирование показало неосведомленность молодежной аудитории о потенциальных маркерах экстремистской принадлежности.

Ключевые слова: экстремизм, маркеры,

молодежь, социологический опрос.

В настоящее время все чаще происходит приобщение жителей России к экстремистским направлениям. В частности это связано с тем, что за последние 15 лет появилось множество новых доступных широкой аудитории способов распространения информации и коммуникации (различные мессенджеры, социальные сети), которые используются также и с целью распространения деструктивных идеологий.

Р. В. Забиров и О. В. Иванчук понимают под экстремизмом «идеологию, основанную на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражде в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства и направленную против основ конституционного строя и безопасности государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина» [5. С. 68]. Характеризуя экстремизм, Н. Д. Насков справедливо отмечает, что «... [он] носит антикультурный, антиправовой, антирелигиозный и аморальный характер, такое явление не имеет право на существование» [8. С. 28]. Экстремизм несет угрозу всему человечеству, поскольку разрушает социальные связи, дестабилизирует общество и противодействует гармоничному развитию в целом.

Х. А. Додихудоев выделяет две группы факторов, провоцирующих экстремизм:

1) подталкивающие факторы – маргинальное положение, неравенство, дискриминация, гонения, ограниченный доступ к образованию, лишение прав и свобод, экологические и социально-экономические трудности;

2) притягивающие факторы – организованные группы сторонников экстремизма, предлагающих комфорт, иллюзию включенности в общество, демонстрирующих убедительные призывы [3. С. 97]. Важной задачей государства и общества является разработка превентивных механизмов, нейтрализующих данные факторы на всех уровнях социальной организации – начиная от международного и заканчивая индивидуальным.

Пытаясь разобраться с видами экстремизма, А. В. Рубан выделяет три «классических» типа – расовый, национальный и религиозный, которые закреплены в юридической науке. При этом исследователь подчеркивает, что в научной литературе описаны и другие виды: политический, международный, государственный, идеологический, экономический и другие [9]. В связи с развитием интернет-коммуникации и возможностью пользователей неограниченно общаться в виртуальном пространстве появляется такой вид экстремизма как информационный [2. С. 87]. Отметим, что виды экстремизма могут возникать по тематической направленности и в зависимости от среды, где данный экстремизм функционирует. Крайней формой проявления экстремизма является терроризм, несущий угрозу национальной безопасности.

Говоря о последствиях экстремизма, А. А. Карпухина и Н. А. Волкова подчеркивают, что экстремистские проявления приводят к отсутствию компромисса, сотрудничества, разрыву связей между братскими народами и странами [6. С. 113]. Экстремизм причиняет психологические и социальные разрушения, отталкивает людей друг от друга и несет в себе угрозу гармоничной жизни общества. Жертвой экстремизма может стать абсолютно любой человек, поэтому задача по борьбе с экстремизмом возлагается не только на плечи государства, но и является ответственностью каждого индивида. Только совместные и решительные усилия всех государств и всех людей, их населяющих, могут остановить волну экстремизма и создать гармоничное, уважающее себя общество.

Молодежный экстремизм является одной из актуальных проблем, поскольку молодежь – это наиболее социально активная прослойка общества, динамично выстраивающая (или разрушающая) социальные связи и демонстрирующая множественные коммуникативные процессы. Помимо этого именно молодежь является максимально заинтересованным потребителем и производителем информационного контента и пользователем виртуального пространства, в том числе и коммуникационных платформ – социальных сетей и мессенджеров.

С. О. Елишев отмечает, что молодежь также является наиболее уязвимой и социально незащищенной категорией населения в силу отсутствия у нее социального опыта и знаний, мировоззренческой неустойчивости, лабильности сознания, упрощенного и поверхностного мировосприятия, экономической зависимости, переизбытка возрастной энергии [4. С. 212]. Е. В. Щетинина и

С. С. Бредихин выделяют различные факторы, которые провоцируют уязвимость молодого поколения: например, уровень конфликтности в учебном заведении, уровень социальной терпимости, общее психоэмоциональное состояние, при этом важную роль играет распространенность сообществ деструктивной направленности посредством сети Интернет [11].

Именно описанные выше причины могут стать решающим фактором и веским поводом для проявлений молодежного экстремизма, особенно опасного из-за нарушенных межпоколенческих связей и наличия возрастных барьеров.

В связи с тем, что большинство молодых людей являются активными пользователями Интернета, где и могут пропагандироваться экстремистские взгляды, необходимо рассмотреть качественные характеристики молодежного экстремизма в виртуальной среде. А. Н. Кудряшова выделяет следующие [7. С. 373]:

1) радикальность (экстраординарность) действий в достижении каких-либо целей, реализации интересов;

2) антисоциальность, поскольку нарушает исторически сложившиеся (типичные) позитивные формы и модели социально-правового взаимодействия, подрывает существующий баланс интересов, создавая между ними конфликтное пространство взаимодействия;

3) аморальность, т.к. всегда идет вразрез с духовно-нравственными нормами, направлен на их разрушение;

4) искажение политико-правового мышления, поскольку субъект экстремистской деятельности обладает чаще всего деформированным сознанием, что обуславливает его отчуждение от социально-культурных и политико-правовых норм и ценностей;

5) противоправность результатов.

В. Е. Батюкова приводит интересную статистику молодежного экстремизма в России. По состоянию на 2022 год в Российской Федерации числится 450 молодежных экстремистских организаций с общей численностью членов в 20 тысяч человек. Из них 147 группировок называют себя «скинхедами», 72 отождествляют себя с футбольными фанатами, 31 группировка причисляет себя к Российскому национальному единству, 18 – к реперам и 8 – к национал-большевистской партии [1. С. 129]. Это только официальные данные, не учитывающие находящихся вне организаций молодых людей, демонстрирующих экстремистское поведение, а также разовые случаи экстремистского поведения со стороны молодежи, не отождествляющей себя с экстремистами.

Одним из главных методов борьбы с вовлечением молодежи в экстремистские сообщества является профилактика, то есть осведомленность молодежной аудитории об основных последствиях и проявлениях, указывающих на возможную включенность человека в деструктивные сообщества.

Существуют *определенные признаки*, которые могут в совокупности явиться маркерами экстремизма. Они делятся на несколько видов:

– визуальные маркеры (например, изменение стиля, внешнего вида, символика на одежде, ношение специальной символики в виде украшений или татуировок и т.д.);

– виртуальные маркеры (публикация настораживающих записей в социальных сетях, подписки на подозрительные сообщества, необычные фотографии в профиле и статусы и т.д.);

– вербальные маркеры (например, высказывания публично о ненависти всех; оправдание поступков других людей, которые выходят за рамки как этики, так и закона; оскорбление людей иных взглядов и т.д.);

– эмоциональные маркеры (отстранение от друзей, закрытость от всех, пропуски учебных занятий, демонстративное поведение с целью привлечь внимание окружающих и т.д.)

– дополнительные факторы (конфликты в учебном заведении, проблемы в семье и т.д. [10]).

Таким образом, цель исследования – определить отношение молодежи к признакам, наблюдающимся у людей из их окружения, которые в совокупности могут стать маркерами экстремистских проявлений.

Материал исследования – результаты социологического онлайн-опроса школьников и студентов, а также молодежи (N=200), жителей Челябинской, Московской, Ленинградской областей и Республики Мордовия. Участие приняли как парни (22 %), так и девушки (78 %), в возрастных группах: 18-22 года (56 %), 15-17 лет (39 %), остальные младше 14 и старше 23 лет. Хронологические рамки опроса – октябрь 2022 года.

Результаты исследования

В основу содержания анкеты легли описанные выше маркеры. К каждому вопросу предлагался ряд ответов, также можно было дописать ответ самим в поле «другое». В большинстве вопросов предлагалось выбрать несколько вариантов из множества, поэтому общая сумма процентов в ответах превышает 100%.

Первый вопрос касался изменений внешности друга или подруги респондента. Так, чуть больше половины (59 %) ответили, что в первую очередь их насторожило бы ношение религиозной или иной атрибутики, которая раньше не была свойственна; 39 % смутил бы отказ от макияжа, покраски волос, ухода за собой, хотя раньше он/она предпочитали пользоваться данными средствами. Почти треть (32 %) ответили, что их испугала бы слишком закрытая повседневная одежда (длинные юбки, покрывание головы платком и т.д.), 23 % не обратили бы ни на что внимания. Почти четверть опрошенных (22 %) заявили, что появление новой татуировки с непонятным символом могло вызвать волнение. Одежда со странными надписями смутила бы лишь 7 % респондентов, а преимущественно черная одежда в повседневном стиле насторожила бы только каждого двадцатого опрошенного.

Второй вопрос касался действий друга или подруги, которые вызвали бы у респондентов беспокойство. Для 64 % – это постоянный поиск денег, например, за счет продажи техники или украшений. Систематические пропуски учебных

занятий в школе, колледже или вузе обеспокоили бы больше половины респондентов (61 %). Постоянная трата денег на что-то, хотя друг/подруга раньше контролировали свои финансы, насторожила бы 39 % опрошенных. Приглашение от друга/подруги посетить его клуб по интересам, у которого не особо понятная деятельность, вызвало беспокойство почти у трети респондентов (30 %). Практически четверть (24 %) заявили, что их обеспокоило бы постоянное посещение непонятных для них мероприятий – собраний, семинаров по саморазвитию и улучшению жизни, кружков по интересам с непонятной для них тематикой. Незначительное число (13 %) ответили, что это прослушивание странной музыки и просмотр непонятных видео, 5 % респондентов не нашли из перечисленных действий те, которые бы их обеспокоили.

На вопрос «какие новые поведенческие реакции твоего друга или подруги вызвали бы у тебя беспокойство?» подавляющее большинство опрошенных (70 %) ответили, что это разговоры о том, что за ними постоянно следят. Также многие респонденты (66 %) заявили, что реакция в виде полного отказа от коммуникации или некоторого ограничения общения с людьми является поводом для беспокойства. Каждого второго опрошенного настораживают публичные высказывания о ненависти к кому-либо или каким-либо группам. 49 % убеждены в том, что оправдание поступков людей, которые совершили что-либо противозаконное, является сомнительной поведенческой реакцией. 45 % будут обеспокоены, если друг/подруга оскорбляют людей, которые не поддерживают их точку зрения. Демонстративное поведение с целью привлечения к себе внимания вызовет беспокойство у 38 % опрошенных. Больше трети (35 %) будут взволнованы оправданием поступков людей, которые совершили что-либо, нарушающее закон и этику. 3 % ответили, что перечисленные реакции не вызвали бы у них беспокойства.

Далее важно было узнать о действиях респондентов в случае наблюдения потенциальных маркеров деструктивных проявлений. Подавляющее большинство респондентов (88 %) уверены, что если заметят что-то странное в поведении своего друга/подруги, одноклассника, одноклассника и т.д., то поговорят с этим человеком и смогут сами узнать, в чем дело. Больше трети (36 %) заявляют, что расскажут об этом другой своей близкой подруге/другу. Каждый пятый расскажет о странном поведении друга своим родителям или близким родственникам. 11 % опрошенных – подойдут к психологу, учителю, соцпедагогу; 8 % никуда не обратятся, а 4 % смогут позвонить по номеру доверия.

Те, кто выбрал ответ «никуда не обращусь» в качестве причин указали, что его не волнуют проблемы другого человека (24 %); он не знает, куда можно обратиться в таких случаях (24 %). 19 % знают, куда можно обратиться, но у них нет возможности это сделать. 8 % никуда не обратятся, потому что доносить – это некрасиво. 8 % боятся, что у них могут возникнуть из-за этого проблемы.

В следующем вопросе респондентам предложили представить свою любимую социальную сеть и порассуждать, за какую активность там их могут привлечь к какой-либо ответственности. 64 % ответили, что за добавленное

видео провокационного характера; 59 % – за репост записи, которая нарушает закон; варианты за определенный подозрительный статус в социальной сети и за подписку на сообщество, в котором содержится запрещенная информация – набрали одинаковое количество ответов (45 %); за лайк фотографии или записи, которая нарушает закон (38 %), за фотографию на аватарке с оружием (29 %), за высказывание своего мнения в личной переписке (22 %). Некоторые ответили, что теоретически могут привлечь за то, что у него в друзьях будет человек, который нарушает закон (11 %). Только 13 % считают, что ничего из перечисленного не могло бы являться причиной привлечения к ответственности.

Следующий вопрос касался отношения респондента к эмоциональным реакциям человека из своего окружения. 78 % ответили, что были бы обеспокоены тем, что человек очень часто плачет или приходит заплаканный на учебу. 77 % опрошенных заставила бы волновать агрессия приятеля. 67 % респондентов будет беспокоить скрытность, а 65 % – раздражительность и постоянные крики. Больше половины опрошенных (55 %) насторожит жестокость. 5 % не будут обеспокоены чем-либо из перечисленного.

Далее мы предложили представить, что у друга изменилось поведение в социальной сети, и спросили, что из перечисленного вызвало бы беспокойство. У большинства (61 %) это агрессивные реакции приятеля на отсутствие поддержки его интересов в соцсетях. 60 % начнут переживать, если заметят, что друг стал вступать в странные сообщества, например, с агрессивным контентом или транслирующим противоречивые убеждения. Почти у половины (44 %), что человек пытается настойчиво донести до своих друзей интересы, которые нужно разделять всем. 41 % респондентов будут переживать, если друг репостит себе на стену материалы из непонятных сообществ, 33 % – если он ставит на аватарки фотографии, которые раньше были несвойственны. 30 % – если на его странице стали проявлять активность люди (писать комментарии, лайкать его записи и т.д.), которых в его окружении раньше было не заметно. У 9 % все перечисленные действия не вызовут беспокойство.

Следующий вопрос уточнял, есть ли в окружении респондента (друзья, знакомые, одноклассники, одноклассники, соседи и т.д.) те, кто по каким-то причинам вызывают беспокойство, опасения, или их поведение кажется странным? 41 % респондентов в целом не встречались со странным поведением друзей в их окружении, но иногда бывает разово такое ощущение относительно кого-нибудь. Каждый третий опрошенный (34 %) не сталкивался с подобной ситуацией. 14 % говорят, что есть такой человек, насчет которого у них имеются опасения. 6 % затруднились ответить, а 5 % респондентов имеют несколько таких людей в своем окружении.

И в качестве завершающего вопроса было предложено представить, что у друга или знакомого респондента появилось новое увлечение: новые друзья, он постоянно посещает с ними какие-то кружки по интересам и приглашает присоединиться. Что сделает респондент? Были получены следующие ответы: пойду вместе разок и узнаю, не понравится – не буду больше с ним ходить – 37 %; поспрашиваю поподробнее, что за интересы, что за друзья, где он их нашел

– 71 %; понаблюдаю со стороны, посмотрю странички друзей в социальных сетях, понаблюдаю за сообществами этого «кружка по интересам» – 43 %; у меня своих дел и интересов хватает, не обращаю внимания или откажусь от предложения – 9 %.

Итак, полученные ответы на основании проведенного опроса показывают неосведомленность молодежной аудитории о потенциальных маркерах экстремистской принадлежности, что может создавать угрозу распространения данных деструктивных проявлений в связи с отсутствием их своевременного выявления.

Исходя из результатов социологического опроса аудитории можно сделать некоторые *выводы*. У молодежи лишь отчасти бы вызвали опасения проявления (внешние индикаторы, поведенческие реакции и т.д.) у людей в окружении, которые бы могли в совокупности стать маркерами экстремизма. Также стоит отметить, что респонденты опасаются и не всегда знают, что делать в ситуации, если заметят что-то подозрительное, а часть вообще считает, что проблемы других их не касаются, хотя уже сейчас среди опрошенных есть люди, которые вызывают у них беспокойство. Поэтому результаты опроса нельзя назвать позитивными.

Подобная ситуация требует однозначного вмешательства и коррекции. Можно предложить *следующие способы профилактики экстремизма в молодежной среде*.

1. Осуществление постоянного мониторинга молодежной среды с целью выявления случаев экстремистского поведения как специальными организациями и подразделениями (например, в Челябинске существует Научно-исследовательский центр мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде при Челябинском институте развития профессионального образования), так и преподавателями, руководством и обучающимися учебных заведений.

2. Тесное сотрудничество между различными органами (вузы, школы, местное самоуправление, правоохранительные органы) с целью обмена информацией и опытом.

3. Внедрение и постоянное развитие системы обращений (телефоны доверия, горячие линии, анонимные запросы на сайтах), позволяющей молодежи делиться информацией об экстремистских проявлениях.

4. Активное вовлечение самой молодежи в антиэкстремистскую деятельность в качестве волонтеров и добровольных помощников.

5. Регулярное проведение профилактических непринужденных и доверительных бесед в местах максимальной концентрации молодежи (как правило, образовательные учреждения).

6. Подготовка контента (фото, игровое видео, наглядные карточки и т.д.), который бы отвечал тенденциям времени, подходил под формат молодежного контента и был направлен на выявление и профилактику экстремистских проявлений.

Таким образом, в первую очередь для молодежи важна осведомленность в данном вопросе, а также принятие всеми сторонами образовательного процесса профилактических мер, направленных против экстремистской деятельности.

Список литературы

1. Батюкова В. В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Закон и право. 2022. № 2. С. 129–131.
2. Грибанова К. С. Информационный экстремизм – актуальная проблема современного информационного общества // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2017. № 1 (7). С. 87–89.
3. Додихудоев Х. А. Теоретический анализ проблемы экстремизма // Международные отношения и безопасность. 2022. № 1 (1). С. 96–102.
4. Елишев С. О. Молодежный экстремизм в современной России // Вестник Российской нации. 2013. № 5 (31). С. 208–219.
5. Забиров Р. В., Иванчук О. В. Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Вестник современных исследований. 2019. № 3.6 (30). С. 66–70.
6. Карпухина А. А., Волкова Н. А. Социально-психологический аспект экстремизма: причины и последствия // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 20-2. С. 112–116.
7. Кудряшова А. Н. Молодежный экстремизм в сети Интернет: проблемы и пути решения // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (Рязань, 04 ноября 2013 года). Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Концепция”», 2013. С. 373–376.
8. Насков Д. С. Противодействия экстремизму: теоретические основы // Правовая жизнь. 2021. № 1 (33). С. 27–34.
9. Рубан А. В. Понятие, признаки и виды экстремизма // Meridian. – URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=3908&ysclid=19s21wmw2a392833456> (дата обращения: 25.12.2022).
10. Система маркеров определения учащихся «группы риска» : методические рекомендации // Челябинский институт развития профессионального образования. – URL : https://chirpo.ru/files/socseti/extrem/Markery_vyuavlenia_uchaschikhsya_gruppy_riska.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
11. Щетинина Е. В., Бредихин С. С. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 43–47.

MARKERS OF EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT: RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE AUDIENCE

A. A. Morozova

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@rambler.ru*

The article is aimed at studying the attitude of young people to the signs observed in people from their environment, which together can become markers of extremist manifestations. The material of the study was the results of an online sociological survey of schoolchildren and students, as well as young people (N=200). The survey showed the lack of awareness of the youth audience about potential markers of extremist affiliation, which can create a threat and the lack of their timely identification.

Key words: extremism, markers, youth, sociological survey.

Сведения об авторе

Морозова Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиапроизводства факультета журналистики, Челябинский государственный университет; заведующий сектором исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. roxfan@rambler.ru

УДК 004.056
ББК 16.8

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Милана Николаева

Младший научный сотрудник
сектора мониторинга и анализа
НИЦМП, г. Челябинск

В современном обществе, когда значительная часть коммуникаций происходит в информационном пространстве, важно быть готовым и самое главное уметь реагировать на внезапные или непредвиденные ситуации, связанные с сохранностью информации. Угрозы безопасности личных данных – это проблема, решение которой не зависит от простого запуска технологических блоков, таких как брандмауэр и антивирусные шлюзы. С учетом актуальности вопросов защиты информации в статье рассмотрены виды информационных ресурсов, их свойства, классифицированы возможные проблемы информационной безопасности и причины их возникновения. Автором предложены рекомендации по принятию мер, направленных на снижение риска возникновения проблем безопасности и обеспечение сохранности информационных ресурсов.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, цифровое общество, программное обеспечение, злоумышленники,

Прежде чем рассматривать вопросы обеспечения информационной безопасности необходимо четко понимать, что именно и от чего или кого мы хотим защитить. Информация представляет собой набор данных, которые могут представать в виде цифр, слов или изображений. Эти данные должны быть обработаны и организованы, прежде чем их можно будет использовать. После обработки данных, их организации и интерпретации, они предстают в виде знаний. В повседневной жизни мы постоянно используем цифровые технологии, с помощью которых получаем доступ ко многим важным данным, например, с помощью использования систем государственных услуг получаем информацию в сфере здоровья, образования, налогообложения и так далее. В свою очередь политика информационной безопасности регулирует подход организации к обеспечению информационной безопасности, а также она охраняет наши данные от несанкционированного доступа для использования в корыстных целях.

С развитием технологий увеличивается риск нарушения информационной безопасности. Уязвимости в системах и приложениях могут позволить злоумышленникам получить доступ к личным данным, поэтому очень важно

обеспечивать и поддерживать информационную безопасность систем и приложений. Кроме того, необходимо уделять повышенное внимание обучению сотрудников вопросам информационной безопасности.

Представители российской компании по обеспечению информационной безопасности «СёрчИнформ» считают, что «задачи в сфере информационной безопасности в России являются только частью общемировых задач и проблем. Общее соотношение угроз в мире показывает, что Россия находится на втором месте по количеству кибертеррористических актов и хакерских атак. Однако если в США совершается 41 % всех хакерских атак в мире, в России – не более 10 %. Сложившаяся ситуация дает возможность воспользоваться относительно комфортным режимом и направить силы на повышение уровня защиты от предполагаемых угроз» [7].

Обществу нужно использовать превентивные меры для выявления и защиты самых значимых информационных ресурсов. Управлять риском угроз информационной безопасности – это оценивать, что именно необходимо защищать и почему. Чтобы оценить риски безопасности, образовательная организация или любая другая, в которой предусмотрен сбор и хранение персональных данных или какой-либо конфиденциальной информации, должна сформировать определенный запрос на информационную систему, которая в состоянии обеспечивать сохранность и целостность информации. Кроме того, система информационной защиты, разрабатываемая для образовательной организации, помимо обеспечения сохранности конфиденциальных данных, должна также гарантировать проверку всех пользователей, допускаемых к имеющейся информации.

По данным открытых источников в 2020 году на преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации приходится каждое четвертое из зарегистрированных. В целом количество киберпреступлений за 2020 год составило 510,4 тыс. По большей части данные преступления совершались посредством интернета и телефона.

Также по информации Следственного департамента МВД РФ только за шесть месяцев 2021 года было зарегистрировано свыше 84 тыс. ИТ-краж, что на 11,1 % выше уровня аналогичного периода 2020 года, а также свыше 117 тыс. ИТ-мошенничеств (+12,8 %). В данном случае под кибермошенничеством подразумеваются любые хищения, совершенные дистанционно, с использованием интернета, телефонной или иных видов связи. Всего в первом полугодии 2021 года следователями окончено расследование более чем по 30 тыс. «киберхищений», к уголовной ответственности привлечено почти 23 тыс. лиц [8].

В целях обеспечения информационной безопасности на государственном уровне 27.07.2006 принят Федеральный закон от № 149-ФЗ, в котором закреплены следующие понятия: информация, информационные технологии, информационная система, доступ к информации, конфиденциальность информации, предоставление информации, распространение информации.

Данные понятия регламентируют принципы развития информационных технологий и защиты информации [1].

В соответствии с национальным стандартом РФ информационными ресурсами признаются отдельные документы и отдельные массивы документов в информационных системах (библиотеки, архивы, фонды, банки данных, другие информационные системы) [4. С. 4]. С целью обеспечения сохранности информации, в том числе важно знать основные свойства информации, а именно: актуальность, достоверность, объективность, полнота и понятность. Обеспечение безопасности – это ряд действий или инструкций, направленных на недопущение несанкционированного использования и модификации информации. Именно на основные свойства информации и обращают внимание злоумышленники, охотящиеся за данными.

Сегодня на смену физическим данным пришли цифровые, а средством передачи цифровых сообщений стали интернет-технологии. Новые технологии и сеть передачи данных помогли увеличить электронные учетные записи, хранящие секреты пользователей. Использование систем дистанционного банковского обслуживания освободило владельцев счетов от необходимости регулярно посещать банк для осуществления платежей. При этом желание получить прибыль из-за разработки новых технологий часто приводит к активному использованию различных информационных систем и протоколов, которые при детальном рассмотрении часто оказываются полны всевозможных непредвиденных уязвимостей.

Одним из самых сложных и противоречивых понятий в теории безопасности является риск. Статистика риска нанесения вреда – комплексный показатель, отражающий вероятность наступления ущерба в течение нормированного периода времени и его величину. Негативный риск – это функция угрозы активам, последствиям и уязвимости [3].

Информационная угроза – совокупность условий и факторов, которые создают потенциальную или реальную опасность нарушения безопасности информации [5. С. 11]. В своей статье, посвященной анализу рисков и угроз утечки информационных ресурсов, И. А. Гладилин на основе личных исследований идентифицирует угрозы с соответствующими им уязвимостями информационной безопасности.

Свои результаты он представил в таблице 1. Здесь важно обратить внимание на последние два вида угроз. Так, например, из-за слабой парольной защиты происходит взлом и несанкционированный доступ к информации, хранящейся на персональном компьютере. Утечка личных данных происходит из-за фишинговых атак или отсутствия должного внимания к получаемой информации [6].

Таблица 1 «Угрозы и соответствующие им уязвимости информационной безопасности»

№ п/п	Вид угрозы	Описание угрозы	Уязвимость
1.	Техногенные (внешние)	Нештатное отключение электропитания на электроподстанции	Отсутствие перехода на резервное питание
2.	Антропогенные (внешние)	Подкуп сотрудника конкурентами для получения конфиденциальной информации с его стороны	Неудовлетворённость персонала
		Проникновение к персональному компьютеру сотрудника и копирование имеющейся на нём информации	Недостатки в СФЗ. Недостаточная численность и оснащённость сил охраны
	Антропогенные (внутренние)	Слабая парольная защита на автоматизированных рабочих местах персонала	Недобросовестное отношение персонала к обязанностям по поддержанию информационной безопасности
3.	Сетевые	Прохождение по ссылке на поддельный интернет-сервис (фишинг)	Невнимательность и неосведомлённость пользователей
		Установка нелицензионного программного обеспечения, содержащего вредоносную программу (тройная программа)	Жадность и алчность пользователей
		Использование заражённых лицензионных приложений (атака на цепочку поставок)	Отсутствие контроля за разработкой используемых приложений
		Переходы на непроверенные сайты через браузер (межсайтовый скриптинг)	Недостаточная защита сети

Далее необходимо разобрать трудности, возникающие у общества и государства в отношении защиты информационных ресурсов. Сюда можно отнести: развитие и усовершенствование единой системы обработки данных, повышение качества единой государственной информационной системы обработки персональных данных, разработка и внедрение отечественных средств сертификации безопасности развития кооперации разработчиков этих систем. Итак, последний вопрос – это обеспечение государственной поддержки в реализации проектов по обучению граждан России по защите личных данных на уровне обычного пользователя.

Одним из основных способов утечки информации сегодня стал фишинг как инструмент воздействия средствами социальной инженерии. Фишинг – это попытка перехвата уникальных личных данных пользователя путем отправления фальшивой ссылки на внешний ресурс. К уникальным данным относятся логин и пароль, номер телефона или банковской карты. В большинстве почтовых систем, социальных сетях и электронных платёжных системах используется фишинг.

В сети постоянно появляются отрывки личной переписки публичных деятелей (бизнесменов, политиков, звезд эстрады и так далее), данные, которые

похищаются из почтовых аккаунтов в облачных хранилищах, серверах мобильных телефонов путем применения фишинговых атак и массовых взломов с целью вымогательства денег или какой-либо важной конфиденциальной информации.

Зачастую злоумышленники используют такой психологический прием как социальная инженерия и именно по вине человека, подвергнутому влиянию социальной инженерии, происходит значительная часть утечки данных. Располагая к себе жертву, киберпреступники заставляют открыть непроверенные ссылки, установить несанкционированное приложение или программу, передать персональную информацию (пароли, логин) под видом корректной синхронизации с устройством с целью устранения неполадки и так далее. Но вместо устранения неполадки происходит взлом устройства жертвы с последующим хищением личных файлов или установку вируса.

Есть несколько способов обеспечить информационную безопасность. Первый способ – использование специальных программно-технических средств, предотвращающих нарушение целостности информации (сюда можно отнести фаерволы и антивирусные программы). Второй способ – это обеспечение соответствия разработанных систем и приложений стандартам безопасности. Третий способ – обучение сотрудников, работающих в сфере обеспечения информационной безопасности работе с программами, а также отработка навыков защиты информации в случае непредвиденных ситуаций в виде взлома или вируса.

По мнению Ю. В. Яковлева существует ряд доводов о том, какими именно компетенциями в сфере информационной безопасности должен владеть пользователь. Во-первых, это первичные знания в области информационно-коммуникационных технологий, а также умения и навыки работы с ними. Во-вторых, речь идет именно о разработчиках программного обеспечения, отвечающего за защиту персональной информации. В-третьих, это различные целевые установки и ценностные ориентации при работе с учебными материалами или электронной информацией (программы), которые должны соответствовать не только нормам российского законодательства, но и правилам поведения (политики), принятых в конкретном обществе, и мировоззренческим установкам личности [9].

С учетом государственной повестки в сфере разработки и усовершенствования средств информационной безопасности, а также требований по защите персональных данных для пользователей необходимо внести ряд рекомендательных характеристик. На самом деле все они простые и несложные в исполнении:

1. Со стороны государства должен быть установлен четкий регламент для разработки технических средств по защите персональных данных. Наличие комплексных технологических систем АСУ и средств обеспечения ИБ, а также обеспечение подготовки и обучения кадров по использованию данных систем. Важно также не забывать про аудит названных систем, который заключается в получении данных о текущем состоянии работы и своевременном устранении

уязвимых мест. К сожалению, все это подразумевает под собой очень большие затраты времени и финансов, необходимые для согласования технического решения и проведения лабораторных испытаний. Для образовательной организации необходимо разработать ряд методических и практических рекомендаций, позволяющих обеспечить защиту на необходимом уровне, а также ввести в обязательную программу переподготовки кадров.

2. В пользовательской работе следует учесть использование современных технологий таких как: аутентификация посредством обработки биометрических данных, идентификация с применением персональных предметов (например, паспорт или другие личные документы). Проработка навыков защиты от влияния социальной инженерии, обучение грамотности в сфере информационной безопасности.

В век цифровых технологий решение вопросов информационной безопасности выходит на первый план, при этом мы осознаем существование проблем в сфере защиты данных и предлагаем направления для их преодоления. Конечно, решение вопросов информационной безопасности потребует серьезных материальных и интеллектуальных затрат со стороны государства и общества, однако ущерб от преступных посягательств злоумышленников в сфере IT-технологий может в разы превзойти предполагаемые затраты.

Список литературы

1. Федеральный Закон Российской Федерации от 27.07.2006 № N 149-ФЗ / «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 14.01.2023).

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации Дата подписания: 05.12.2016. Опубликован: 06.12.2016 Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.

3. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 декабря 2019 г. N 1379-ст об утверждении и введении в действие ГОСТ Р ИСО 31000–2019. «Менеджмент риска. Принципы и руководство» // СПС КонсультантПлюс URL: <http://www.consultant.ru/document/chronomap/2019/12/> (дата обращения 14.01.2023).

4. Приказ Росстандарта от 10.04.2020 N 159-ст об утверждении и введении в действие ГОСТ Р 58833–2020. «Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения» // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352493/ (дата обращения 14.01.2023).

5. Приказ Ростехрегулирования от 18.12.2008 N 532-ст об утверждении и введении в действие ГОСТ Р 53114–2008. «Национальный стандарт Российской

Федерации. Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения» // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_260698/ (дата обращения 14.01.2023).

6. Гладили И. А. Оценка рисков информационной безопасности организации // Лучшая научная работа 2022 : сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 января 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 26–31.

7. ИБ В РОССИИ И В МИРЕ // Компания «СёрчИнформ» URL: <https://searchinform.ru/informatsionnaya-bezopasnost/osnovy-ib/ib-v-rossii-i-mire/> (дата обращения: 14.01.2023).

8. Интервью начальник Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ Андрей Некрасова информационному агентству ТАСС URL: <https://ria.ru/20210728/gorodov-1743169971.html> (дата обращения 10.01.2023).

9. Яковлева Ю. В Взаимосвязь информационной безопасности и информационной культуры // «Вестник Науки». 2022 Г. №1. С. 77–81.

INFORMATION SECURITY: PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY AND INFORMATION PROTECTION IN MODERN REALITIES

M. O. Nikolaeva

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education,
Chelyabinsk, Russia. nikolaeva-15@bk.ru*

It is important for every organization to be ready to respond to security-related incidents. Threats to information security are a problem whose solution does not depend on the simple launch of technological units. For example: firewall and antivirus gateways. The article is devoted to the types of information resources and their properties. A list of possible information security problems has been developed. In addition, this list lists the possible causes of these problems. The list of measures includes measures to reduce the risk of security problems. Recommendations were proposed to solve the problems of security and safety of information resources.

Key words: information, information security, digital society, software, intruders, cybercrime, cyber espionage.

Сведения об авторе

Николаева Милана Олеговна – младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования, Челябинск, Россия. nikolaeva-15@bk.ru.

УДК 81.42
ББК 16.8

СТРУКТУРА ЧАТ-БОКСА В МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ВИДЕОИГРАХ КАК ФАКТОР РИСКА ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Александр Селютин

Кандидат филологических наук,
заведующий сектором по
разработке программ
социокультурной адаптации
НИЦМП, г. Челябинск

Статья посвящена дескриптивному анализу чат-бокса как обязательного элемента многопользовательской видеоигры. На материале двух популярных видеоигр «Lineage II» и «World of Warcraft» описывается экстралингвистическая природа чат-бокса, выделяются особенности игровой коммуникации и классифицируются механизмы, несущие в себе риски деструктивной коммуникации. Автор статьи делает вывод о необходимости избегания данных рисков для построения успешных коммуникативных процессов между пользователями в условиях креативности, анонимности и карнавализации интернет-общения.

Ключевые слова: видеоигра, коммуникация, деструктивное общение, чат-бокс, Интернет.

Многопользовательские видеоигры (онлайн-игры) являются одной из наиболее популярных форм развлечения на данный момент и одновременно активно развивающейся бизнес-индустрией с использованием сети Интернет. Обладая ярко выраженной общностью с социальными сетями, видеоигры уже давно стали площадкой для общения и интеракции между пользователями. Разноплановость коммуникативных процессов в многопользовательских видеоиграх требует тщательного внимания и анализа со стороны исследователей. В особенности это касается деструктивных элементов коммуникации в онлайн-играх как одной из форм медиа.

Целью нашей работы является определение степени угроз и рисков деструктивной коммуникации в многопользовательских видеоиграх в процессе общения, реализуемого посредством чат-бокса – встроенного элемента организации игрового процесса.

Материалом исследования послужили чат-боксы таких рейтинговых видеоигр как «Lineage II» и «World of Warcraft». Используемые методы исследования включают дескриптивный и семантико-структурный.

Одной из ключевых особенностей многопользовательских видеоигр является возможность интеракции между игроками при помощи различных, интегрированных в игру механизмов, одним из которых является коммуникация при помощи чат-бокса. Являясь каналом общения, данный инструмент

способствует как созданию успешной коммуникации и кооперации, так и нарушению межличностных связей посредством деструкции.

Желание и возможность игроков формировать как позитивное, так и негативное общение вызвано в первую очередь значительным творческим потенциалом, заложенным в самой природе видеоигры, которая признана и рассматривается как произведение искусства. Так, например, В. И. Помелов и С. С. Бредихин отмечают креативный потенциал видеоигры, заявляя, что игра способствует поиску новых, оригинальных решений и раскрывает творческий потенциал игрока [3]. Помимо этого, виртуальное присутствие живого человека в игре осуществляется анонимно, что создает атмосферу полной безопасности и, как следствие, возможной вседозволенности. Как справедливо отмечает П. А. Ивлиев «... анонимность порождает проблему обезличенности общения между людьми» [2], при этом исследователь подчеркивает, что анонимность приводит к отсутствию ответственности за поступки и игнорирование общественных санкций. Однако анонимность является обязательным условием многопользовательских видеоигр, ориентированных на создание вымышленного мира, полное погружение в него игрока и отыгрыш игроком определенной роли, что приводит нас к третьей характеристике видеоигры – карнавализации, согласно теории М. М. Бахтина [1]. Таким образом, три ключевых «природных» характеристики многопользовательской видеоигры – креативность, анонимность и карнавализация – создают существенный риск деструктивной коммуникации между пользователями данного развлекательного контента, который, как правило, реализуется посредством чат-боксов – единственного коммуникативного игрового канала.

Следует помнить, что онлайн-коммуникация в целом, включающая коммуникативные процессы и в многопользовательских видеоиграх, имеет ряд существенных отличий от бытовой коммуникации в реальном пространстве. Основное из них – отсутствие возможности говорения, что исключает интонацию, ударение и фонетические особенности как механизмы речевого акта. Естественно, что отсутствие данных механизмов существенно влияет на возможности общающихся выразить свои мысли, поэтому в качестве замены используются различные графические приемы выделения нужных фрагментов речи. Например, для обозначения ударения используются прописные буквы. Этот же прием применяется при выделении значимых слов, несущих нужную информацию, или же целых предложений. Активную роль приобретают эмодзи, образованные посредством пунктуационных знаков (скобок, двоеточий, точек, тире), поскольку позволяют частично воспроизвести мимические усилия собеседника, также значимые для правильного понимания смысла сказанного. Однако эмодзи не являются полноценной заменой мимических движений, к тому же они допускают двоякое толкование, что может привести к непониманию и, как следствие, к риску коммуникативной неудачи, которая в рамках нашего исследования также рассматривается как форма деструктивной коммуникации.

Структура чат-бокса, безусловно, является экстралингвистическим фактором, который необходимо учитывать в ситуации общения. Не являясь речевым механизмом, чат-бкс все-таки оказывает определенное воздействие на особенности коммуникации между пользователями онлайн-игр, структурно ее оформляя.

Как правило, структура чат-бокса представляет собой ограниченное по размерам окно, состоящее из нескольких вкладок и строки ввода информации. Несмотря на то, что пользователь имеет возможность увеличить размер окна, чат-бкс имеет предельные значения для расширения и удлинения, т.е. размер чат-бокса не безграничен. В зависимости от коммуникативной интенции пользователь выбирает одну из вкладок для общения и вводит текст в строку ввода информации. Как правило, вкладки рассчитаны на локализацию введенного сообщения или же на адресацию данного сообщения определенной аудитории. Например, в игре «Lineage II» при помощи настраиваемых вкладок можно обратиться к одному игроку, к группе игроков, к сообществу игроков (гильдии), к игрокам поблизости, к игрокам всей локации, к игрокам множества локаций (глобальное оповещение, которое, как правило, доступно только администраторам игры). Нерелевантный выбор вкладки (например, отправка сообщения для одного игрока в чат локации) может вызвать агрессивную реакцию других игроков, которым данное сообщение может помешать, нарушив коммуникативную структуру чата.

Важно отметить, что ограниченный размер чат-бокса создает определенное неудобство для коммуникантов, поскольку лимитирует количество реплик и вынуждает листать историю чата, если требуется посмотреть нечто, сказанное ранее. Этим часто пользуются «спамеры» (от англ. spam – электронный мусор), которые высылают множественные одинаковые сообщения в чат-бкс, лишая игроков возможности общения или отслеживания коммуникативного прогресса. Частичным решением являются встроенные фильтры, позволяющие запретить демонстрацию сообщений от определенного игрока, но при этом запрет можно наложить лишь после появления спама.

Еще одной характерной особенностью чат-бокса является скорость обмена информацией, которая значительно выше, чем при реальном общении. Скорость повышается благодаря каноническому закону интернет-общения «максимум информации за минимум времени», что заставляет коммуникантов сокращать слова, опускать знаки препинания, совершать опечатки, искать замену длинных слов короткими (как правило, иноязычного происхождения), активно пользоваться аббревиатурами и контаминациями. Если снизить скорость общения, то можно не успеть вставлять свои реплики в диалог с собеседником либо нужная реплика исчезнет с экрана чат-бокса, вытесненная репликами других игроков. Это приводит к хаотичности общения, путанице в адресатах и адресантах, недопониманию или неверному толкованию, что, в свою очередь, может стать причиной коммуникативной агрессии.

Для удобства пользователей чат-бокса сообщения, опубликованные на разных вкладках, выделяются разными цветами. С одной стороны,

использование цветовой гаммы позволяет лучше ориентироваться в векторах коммуникативного потока и быстрее выделять ту информацию, которая является релевантной и значимой. С другой стороны, цветовые решения нагружают коммуникативный канал дополнительной информацией (ведь цвет является иконическим компонентом, а, следовательно, текст из обычного превращается в поликодовый), что усложняет коммуникационные потоки. Любое усложнение коммуникации увеличивает риск коммуникативной неудачи и, следовательно, возникновения конфликта как одной из форм деструктивной коммуникации.

В качестве окна чат-бокс не фиксирован, не закреплен в определенном месте; он обладает свободой перемещения и по желанию пользователя видеоигры может располагаться в любом месте игрового экрана. Передвижной чат-бокс создает, с одной стороны, удобство для пользователя, а с другой – непривычное местоположение чат-бокса может привести к его визуальной потере и к последующему замедлению в скорости общения.

Таким образом, можно выделить следующие особенности структуры чат-бокса, которые несут потенциальные риски деструктивной коммуникации между пользователями онлайн-игр:

1. Повышенная роль графических средств при передаче особенностей речи (в том числе мимических);
2. Многовекторность чат-бокса как коммуникативного канала;
3. Ограниченность диалогового окна, позволяющая задействовать деструктивные механизмы коммуникации;
4. Повышенная скорость обмена информацией, приводящая к хаотичности общения;
5. Поликодовость отображаемого в чат-боксе текста;
6. Подвижность чат-бокса как причина потери визуального контакта с текстом.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что несмотря на ряд интересных решений для организации коммуникативных процессов при помощи диалогового окна, структура и природа чат-бокса могут являться факторами риска деструктивной коммуникации благодаря ряду особенностей, среди которых можно выделить графико-ориентированность, многовекторность, размерную ограниченность, повышенную скорость общения, поликодовость и незафиксированность в определенной точке пространства. Владея информацией о потенциальных рисках, пользователи онлайн-игр могут легко их избежать для увеличения уровня гармонизации общения и повышения вероятности достижения коммуникативного успеха.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable/index.htm> (дата обращения: 17.01.2023).

2. Ивлиев П. А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4–2. С. 6–8.

3. Помелов, В. А., Бредихин, С. С. Компьютерная игра и труд в информационном обществе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. №392. С. 73–77.

CHAT BOX STRUCTURE IN MULTI-PLAYER VIDEO GAMES AS A FACTOR OF RISK FOR DESTRUCTIVE COMMUNICATION

A. A. Selyutin

*Chelyabinsk Institute of Professional Education Development;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alexsell@mail.ru*

The article is devoted to the descriptive analysis of a chat box as a mandatory element of multi-player video games. Upon the materials of two popular video games «Lineage II» and «World of Warcraft» there is a description of extralinguistic nature in chat boxes, peculiarities of game communication and a classification of mechanisms bearing the risks of destructive communication. The author of the article draws the conclusion about the necessity to avoid these risks to build up successful communicative processes between users under the conditions of creativity, anonymity and carnivalization of Internet communication.

Key words: video game, communication, destructive speech, chat box, Internet.

Сведения об авторе

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий сектором по разработке программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования; доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК
ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ

УДК 159.922.8
ББК 88.42

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Богдан Амброладзе

Младший научный сотрудник
сектора психологии НИЦМП,
г. Челябинск

Основной целью статьи является определение важнейших понятий по данной проблематике, рассмотрение главных теоретических подходов к исследованию проблемы и раскрытие роли индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей подросткового возраста как предпосылок возникновения суицида. Актуальность темы обусловлена тем, что самоубийство до сих пор остаётся одной из самых распространённых причин подростковой смерти. Несмотря на множество теорий, объясняющих причины возникновения суицидального поведения, общество ещё не может окончательно искоренить эту проблему.

Ключевые слова: суицидальное поведение, самоубийство, теории, дезадаптация, причины.

Актуальность исследования суицидального поведения личности обусловлена современной статистикой, которая отражает увеличение подростковых суицидов. К примеру, в 2019 г. Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ в своем докладе отметил, что число самоубийств, совершенных подростками, выросло за год на 14 %. Более того, в некоторых регионах России подобный прирост в указанный период составил порядка 50 %.

Подростковый возраст можно определить, как максимально подверженный суицидальному поведению в качестве протеста обществу, стремлению показать свою уникальность, уходу от реальных проблем. По мнению Л. И. Божович и Л. С. Выготского, подростковый возраст является наиболее кризисным и становление активной жизненной позиции может иметь различные проявления, включая и девиации. Поиск своего места в жизни, самоопределение актуализирует важность поддержки и понимания со стороны значимого окружения, а семья в этот период перестает быть главной комфортной и безопасной средой для подростка, выходящего из детского возраста.

Однако, необходимо подчеркнуть, что невысокая эффективность психопрофилактической, коррекционной и реабилитационной работы обусловлена недостаточным уровнем знаний специалистов о предпосылках возникновения подросткового суицида. На современном этапе науки и практики практическим психологам и исследователям важно понимать причины возникновения, проявления и социальные последствия подросткового суицида.

С учетом изложенного, основной целью нашей работы стало выявление и систематизация предпосылок возникновения суицидального поведения у подростков.

Проблематикой суицида, анализом его факторов, проявлений и содержания занимались такие отечественные и зарубежные исследователи как Э. Дюркгейм, А. Амбрумова, В. Тихоненко, Ю. А. Клейберг, А. Е. Личко и др. Опираясь на труды некоторых из них, а также на публикации современных авторов, можно выделить основные концептуальные подходы к изучению предпосылок суицида.

По словам психологов, работающих в биологических направлениях, предрасположенность к самоубийству имеет наследственный характер, а внешние влияния на организм ускоряют стремление лишиться себя жизни.

Социологический подход говорит о том, что самоубийство – это результат неадекватного взаимодействия индивида и среды. К теоретическим предпосылкам, объясняющим данный феномен, относят концепции социального значения, социальных ограничений и норм, продолжительность и стабильность социальных отношений. Также имеет место быть теория о изменяемой со временем функции индивида в социальной системе. О том, какие именно изменения могут происходить в процессе взаимодействия индивида со средой можно сказать, рассматривая частные случаи [2. С. 147].

Психодинамический подход рассматривает суицид как продукт конфликта внутренних мотивов и внешних ограничений. И те, и другие личностью могут не осознаваться, вытесняя в сознание именно результат этого самого конфликта в виде неудовлетворённости индивидом своей жизнью, комплекса неполноценности и др. По словам К. Меннингера, бессознательный враждебный импульс, состоящий из желания убить, быть убитым или желания умереть, становится мотивом самоубийства. Желание навредить или убить другого человека трансформируется под влиянием Супер-Эго и направляется изнутри на самого человека, из-за чего и появляется суицидальное поведение [4. С. 57].

Учёные когнитивных направлений (Н. Фарбероу, Э. Шнейдман, Н. Крейтман, П. Смит, Э. Тан) рассматривают самоубийство и суицидальное поведение как способ сообщить о внутренних переживаниях человека, своеобразное средство общения. Имея определённые трудности в установлении социальных контактов (или в их удержании), индивид, посредством направленного на себя деструктивного поведения, пытается сообщить окружающим людям о своей внутренней боли или конфликтах [9].

Э. Дюркгейм одним из первых определил суицидальное поведение в качестве определенного вида девиации и ставил его в один ряд с преступлениями, объектами которых были лица, совершавшие суицид. При этом в феномене суицида отражался не только психологический аспект (мотивация, направленность), но и социальный – деструктивное проявление поведения, направленного на разрушение человеком самого себя, что является индикатором не только индивидуального психологического, но и общественного неблагополучия [6. С. 146].

Тот факт, что суицидальное поведение изучается и теоретически обосновывается на протяжении всей истории человечества, говорит о том, что этот феномен остаётся одним из важнейших в плане индивидуально-психологического и социально-психологического развития личности. Особенно если это касается подросткового возраста.

Сам по себе подростковый возраст характеризуется переменами как на физиологическом, так и на психологическом уровнях. Под воздействием гормональных изменений и изменений психики у подростков часто меняются основы межличностного взаимодействия и внутриличностное состояние в целом.

Также причиной суицидального поведения могут служить конфликты с родителями. Конфликт между желанием эмоциональной близости и желанием независимости внутри самого подростка и желание контролировать поведение ребёнка со стороны родителей может приводить к избеганию подростком стрессовых ситуаций посредством деструктивного поведения.

Рассматривая данные Э. Х. Башлай и Э. Н. Гилемхановой, можно сказать, что позиция взрослых в отношении подросткового суицида сводится к переключению ответственности, избеганию обсуждения данной проблематики, а также уходу от желания выяснить истинные причины подобных поступков [1. С. 221]. Данные факты подчеркивают закрытое негативное отношение взрослых членов семьи не только к самому факту суицида, но и к личности подростка, совершившего суицид или попытку, а также вмешательству специалистов с целью оказания консультативной помощи.

Анализируя статистические данные вышеуказанных исследователей, необходимо отметить, что детско-родительские конфликты занимают 47,2 % среди предпосылок суицидального поведения [1. С. 224] и являются самым большим, в процентном соотношении, фактором. Вторым по величине определено отсутствие опыта решения проблемных и конфликтных ситуаций (46,5 %), которое можно назвать следствием нарушения нормальных отношений с ближайшим окружением, в том числе и с семьёй [1. С. 224]. И третья предпосылка, тоже достаточно значимая (36,6 %) – отсутствие умений обратиться за помощью, признать невозможность самостоятельного решения сложной проблемы.

Суицидальное поведение в случаях конфликтов с семьёй является способом привлечения внимания к проблеме самого подростка (особенно в ситуациях, когда инициатором конфликта выступают родители). Также такое поведение может быть продиктовано страхами и тревогами подростка вследствие внутреннего осознания того, что проблемы внутри семьи не решаются и что сам подросток не имеет никакого влияния на решение семейных проблем.

Возникновение суицидального поведения подростка также следует рассматривать, как проявление социальной дезадаптации. В зависимости от социального института, где произошла дезадаптация, выделяют такие её виды как семейная, групповая и школьная. Дезадаптация часто препятствует работе и

обучению подростка. В этом случае наблюдаются тревога, депрессия, утомляемость, снижение продуктивности в деятельности и ухудшение в отношениях с окружающими людьми. Эти факторы являются ключевыми для возникновения суицидального поведения подростка.

Среди важных характеристик суицидального поведения, выявленных при проведении исследования студентов А. Б. Холмогоровой – высокий уровень перфекционизма, враждебности и семейных дисфункций, а также низкий уровень социальной поддержки. Суицидальные мысли и намерения встречаются у студентов с низким уровнем социальной поддержки почти в два раза чаще по сравнению со студентами с высоким уровнем социальной поддержки [8].

Учитывая особенности протекания подросткового периода, наличие кризисных состояний и физиологических и психических изменений, можно сказать, что этот возраст является одним из самых (если не самым) опасным в плане суицидального поведения.

Также в качестве предпосылок суицидального поведения подростка можно выделить физиологические и психические изменения в процессе протекания переходного возраста, а также ситуации внутрисемейной дисгармонии и межличностных конфликтов в социальных группах подростка.

В качестве основных выводов по исследованию необходимо определить, что цель работы была достигнута – выявлены предпосылки возникновения суицидального поведения у подростков. Полученные данные можно дифференцировать на несколько групп:

– психофизиологические, биологические (наличие психических расстройств, отклонений, умственных заболеваний);

– личностные и поведенческие предпосылки (эмоциональная нестабильность, агрессия, замкнутость, проблемы в эмоционально-волевой и когнитивной сфере);

– коммуникативные, обусловленные дискомфортом и дисфункцией во взаимоотношениях с окружающими (конфликты с друзьями, родными, неумение и нежелание общаться);

– социальные, обусловленные спецификой ситуации развития (социальное неблагополучие семьи, неуспеваемость в школе, отсутствие ситуаций успеха в жизни);

– аффективные состояния, определенные конкретной ситуацией. Они носят зачастую демонстративный характер и не всегда имеют цель совершить реальный оконченный суицид;

– отдельно необходимо назвать такую предпосылку как возникновение «эффекта Вертера» – серии подражательных самоубийств после суицида, широко освещенного в СМИ [7. С. 1488], который отражает в себе одновременно личностный и социальный аспекты.

Кроме того, отсутствие у подростков опыта решения возникающих проблем (субъективная составляющая) и недостаточная поддержка со стороны близких (объективная составляющая), также являются важнейшими

предпосылками для возникновения подобных негативных феноменов. В данном случае подростки рассматривают суицид, как попытку избежать трудностей.

Исходя из полученных результатов, предложен ряд рекомендаций для психологов, работающих с подростками в образовательных учреждениях и с семьями подростков в случаях суицида. Данные рекомендации будут полезны в плане организации психодиагностики и психокоррекции личностных особенностей и их поведенческих проявлений у отдельных подростков:

- актуализация у подростка его социальных и образовательных потребностей с целью выявления личностных склонностей и направленностей;
- организация в быту, общем и дополнительном образовании ситуаций успеха, которые способствуют становлению адекватного соотношения уровня притязаний и уровня самооценки у подростков;
- ориентация поведения и деятельности подростков не на оценку ближайшего окружения, а на удовлетворение личностно значимых потребностей в обучении и развитии;
- отсутствие акцента на неудачном социальном опыте в случае попытки суицида;
- построение с подростком кратко- и долгосрочного жизненных планов, включающих профессиональную ориентацию, выявление отношения к семейным ценностям, работе, будущему в целом.

Данные рекомендации были разработаны и прошли практическую апробацию педагогами-психологами в ряде образовательных учреждений РФ и определяют перспективы дальнейшего исследования по этой тематике в плане подготовки специалистов к работе с суицидальными случаями в подростковой среде.

Кроме того, учитывая выявленные предпосылки проявлений подросткового суицида, важно подчеркнуть комплексный характер профилактической работы не только с подростками, но и с их семьей, школьным окружением сверстников, педагогами.

Список источников

1. Башлай Э. Х., Гилемханова Э. Н. Сравнительный анализ позиций участников образовательного процесса в определении индикаторов риска и причин суицидального поведения подростков // КПЖ. 2021. №4 С. 220–226.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд // Э. Дюркгейм. – М.: Мысль. 1994. 147 с.
3. Кошенова М. И., Волохова В. И. Суицидальное поведение подростков XXI века: мифы и реальность // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2019. №1. С.72–90.
4. Мамедова Е. Н., Мамедова Л. В. Выявление суицидального поведения у подростков // Управление образованием: теория и практика. 2022. №2 (48). С. 148-154.
5. Романенко А. А., Саенко Д. М., Разуваева Т. Н. Тревожность как фактор возникновения суицидального риска у подростков // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. №2 (11). С. 59–65.
6. Сидунова О. А. Причины и условия проявления суицида у несовершеннолетних // Криминологический журнал. 2021. №1. С. 145–149.

7. Хамроев М. С. Подростковый суицид. Причины и профилактика // Science and Education. 2022. №4. С. 1486–1491.

8. Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 2 URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer11.php (дата обращения 20.12.2022).

9. Холмогорова А. Б. Когнитивная психотерапия суицидального поведения: история разработки, современное состояние, перспективы развития // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. URL: <http://medpsy.ru>. (дата обращения 23.12.2022)

10. Хрусталёва Н. С. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник // под ред. Н. С. Хрусталёвой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – 57 с.

11. Чагин, В. С. Молодежный суицид в период пандемической самоизоляции // Социология. 2022. №5. С. 148–155.

12. Шахмалова, И. Ж., Некрасова, М. В. Особенности суицидального поведения подростков: мотивы, причины и факторы // Современное педагогическое образование. 2021. №6. С. 44–46.

PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

B. S. Ambroladze

*Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, Chelyabinsk, Russia.
ambroladze.bogdan@yandex.ru*

The main purpose of the article is to define the basic concepts on this issue, to consider the main theoretical approaches to the study of the problem and to reveal the role of individual psychological and socio-psychological characteristics of adolescence as prerequisites for suicide. The relevance of the topic is because suicide is still one of the most common causes of death. Despite the fact that there are many theories explaining the causes of suicidal behavior, society has not yet been able to completely eradicate this problem.

Keywords: suicidal behavior, suicide, theories, maladaptation, causes.

Сведения об авторе

Амброладзе Богдан Сеитиевич – младший научный сотрудник сектора психологии деструктивных угроз в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования, Челябинск, Россия.
ambroladze.bogdan@yandex.ru

УДК 159.9.072
ББК 88.3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ВЛИЯНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА НА САМОРЕАЛИЗАЦИЮ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Татьяна Воробьева

Научный сотрудник сектора
психологии НИЦМП, г.
Челябинск

Стремительное развитие информационных технологий порождает новые виды и формы проявления агрессивного поведения, одним из которых является кибербуллинг. В статье рассматриваются не только понятия буллинга и кибербуллинга, но и их связь с академической успеваемостью на примере обучающихся учреждений ПОО, анализируются причины формирования агрессивного поведения студентов и основные подходы к стабилизации их психического состояния. Кроме того, автором акцентировано внимание на взаимосвязи социальной коммуникации и кибербуллинга в системе ПОО.

Ключевые слова: кибербуллинг, студенческая среда, самореализация, девиантное поведение.

На протяжении всей жизни человека сопровождают социальные коммуникации, с их помощью он удовлетворяет часть основных потребностей. К социальным коммуникациям можно отнести потребность в самоактуализации, самореализации, признании, безопасности, принадлежности к группе. Интернет-общение считается одним из способов удовлетворения социальных коммуникаций. Выстраивание конструктивной социальной коммуникации до сих пор остается актуальной проблемой. Социальные сети содержат структурированную информационную базу данных о миллионах необходимых и ненужных вещей в зависимости от потребностей пользователей: от желания самореализации и самоактуализации в различных сферах деятельности до удовлетворения физиологических, познавательных, социальных потребностей. Увлечение пользователей интернет-ресурсами ведет к накоплению в сети электронной информации о их личной жизни, интересах и т.п., что может быть использовано злоумышленниками в различных формах кибербуллинга.

Цель исследования: теоретическое обоснование влияния кибербуллинга в виртуальном пространстве на самореализацию студентов ПОО.

Задачи исследования:

1) определить критерии социально-психологической адаптированности и возможные показатели дезадаптированности студенческой молодежи в ПОО;

2) обосновать научные подходы к пониманию сути самореализации и самоактуализации личности в целом, в том числе и в учебно-профессиональной деятельности;

3) рассмотреть профессиональную самореализацию, ее компоненты и показатели;

4) аргументировать влияние кибербуллинга на показатели самореализации и академической успешности;

5) проанализировать психокоррекционные программы снижения проявлений кибербуллинга.

Поскольку студенты проводят большую часть своего времени в образовательном учреждении либо дистанционно используют образовательные платформы учебного заведения, нельзя отрицать, что это существенно влияет на их социальное, интеллектуальное и поведенческое развитие, социально-психологическую адаптацию и на самореализацию как будущих профессионалов [5; 6; 17].

Критериями социально-психологической адаптированности студентов к среде ПОО можно определить объективные результаты учебной деятельности (успешность), степень интеграции личности в учебный коллектив (социальный статус студента, общественная активность), степень реализации внутреннего личностного потенциала (самореализация), эмоциональное самочувствие (уровень психоэмоционального напряжения, тревожность, наличие/отсутствие невротических реакций) [13]. То есть, успешность адаптации лица связана с личностным ростом, его самоактуализацией, рассматриваемой нами как более ограниченное понятие, которое отражает предпосылку самореализации как процесса [11].

Самоактуализация рассматривается в идеях экзистенциально-гуманистического подхода и психосинтеза как стремление человека к полному распознаванию и развитию своих личностных способностей и их реализации (Д. Леонтьев, А. Maslow, G. Allport и др.).

Изучая соотношение и взаимодействие самоактуализации и самореализации, О. Григорьева и Ю. Поваренков обнаружили, что «указанные феномены взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы, ориентированы на решение различных задач профессионального становления личности. Самореализация выражает способность личности оптимально использовать и активно преобразовывать свои ресурсные возможности в реальной деятельности, подчеркивая внешние и объективные показатели эффективности данного процесса. Вместо этого, самоактуализация является внутренней активностью личности, направленной на выявление и изучение собственных ресурсных возможностей. Соответственно, профессиональная самоактуализация создает готовность субъекта труда к самореализации в пределах конкретной профессиональной деятельности» [6. С. 13].

Исследованиям профессиональной самоактуализации посвящены работы таких ученых, как Л. Вязниковой, Г. Звенигородской, А. Maslow, R. May, C. Rogers, V. Frankl и др., в которых раскрываются актуальные вопросы

профессионального становления, поиска собственных профессиональных ролей, себя в профессии («профессионального-Я»), профессионального имиджа, индивидуального стиля профессиональной деятельности, раскрытия и реализация своего потенциала по выбранной профессии, определения и воплощения в жизнь профессиональных перспектив, постановки профессиональных целей [4. С. 12].

Юношеский возраст в целом является периодом самореализации в различных сферах жизнедеятельности, а также периодом ответственного принятия решений, определяющим всю дальнейшую жизнь человека: выбор карьеры, спутника жизни, места в жизни, смыслов, развитие мировоззрения и тому подобное. Заметим, что в студенческие годы (16-25 лет) происходит формирование творческой личности, особых способностей и интеллекта будущего специалиста, то есть студент приобретает профессиональную идентичность и «профессиональное-Я». В обучении и профессиональной деятельности главной задачей является рост и самосовершенствование для достижения дальнейшего профессионального и личностного развития. Учебно-профессиональная деятельность предшествует этапу самостоятельной профессиональной деятельности, поэтому самореализация в процессе обучения в ПОО является залогом успеха дальнейшей профессиональной деятельности [4; 12].

Определение сути самоактуализации продемонстрировало, что структуру этого психического явления составляют когнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты (А. Реан, А. Большакова, С. Чимбеева, Н. Бадмаева и др.). Под поведенческим компонентом профессиональной самореализации студентов колледжей мы понимаем успешность в учебе. При этом следует отметить, что отсутствие успешности в образовательном учреждении является одним из факторов дезадаптации. Также при высоком уровне дезадаптации у студентов формируется девиантное поведение.

Одной из форм девиантного поведения является кибербуллинг, особенностью которого является анонимность агрессора и большой охват возможных жертв благодаря виртуальному пространству [2; 3; 15]. Каждый из участников ситуации насилия испытывает ее влияние на себе. Студенты колледжа, которые сообщают о кибербуллинге, чаще испытывают депрессию, тревогу, фобию или паранойю по сравнению со сверстниками, имеют психосоматические расстройства, сталкиваются с последствиями в виде злости, грусти, боли, смущения, беспокойства, страха, самообвинения, трудностями в межличностных отношениях, проявляют суицидальные мысли и акты планирования. Также развивается виктимизация, связанная с негативными стратегиями преодоления стресса, такими как употребление алкоголя, при этом в равной степени как среди юношей, так и среди девушек, психологическая подавленность на фоне социальной и педагогической дезадаптации, студенты демонстрируют более низкий уровень успеваемости и снижение концентрации внимания [1. С. 16].

Белорусскими исследователями была предпринята попытка обобщить и проанализировать мнение студентов о буллинге и его форме (кибербуллинг) в ПОО. В процессе исследования использовался метод эссе. Студентам предлагалось высказать письменно свое мнение о буллинге. Все респонденты отметили, что в колледже превалирует кибербуллинг, а также прослеживается его негативное влияние на успешность, поскольку жертва травли начинает избегать насилия самым простым способом – не посещая занятий, изолируясь от начальной группы и педагогического коллектива, что часто приводит к неуспеваемости и отчислению [7]. При этом J. Patchin и S. Hinduja отмечают, что студенты, вовлеченные в кибербуллинг в роли обидчиков, чаще испытывают социальные трудности, более подвержены стрессам и депрессиям по сравнению с теми, кто в нем не участвует, ведь чаще всего они являются жертвами традиционного буллинга и демонстрируют ненормативную лексику, делинквентное (противоправное), агрессивное и аддиктивное (зависимость от психоактивных веществ) поведение, неуспеваемость в учебе и пониженную профессиональную самоактуализацию в целом [1].

То есть, кибербуллинг влияет на учебную деятельность и вызывает снижение успеваемости; нежелание посещать учебное заведение, прогулы; нестабильные оценки; низкую учебную активность, являющиеся показателями снижения поведенческого компонента профессиональной самореализации студента в учебном заведении.

Исследование китайских ученых показало различия в академической успеваемости между теми, кто был вовлечен в кибербуллинг, и теми, кто не был участником указанного насильственного акта. Соответственно, были обнаружены значительные гендерные различия, свидетельствующие о том, что юноши с большей вероятностью, чем девушки, будут вовлечены в киберзапугивание на позициях как буллеров, так и жертв. При этом студенты с более низкой академической успеваемостью чаще были агрессорами в Интернете, чем учащиеся с лучшей успеваемостью [20].

Исходя из вышесказанного, академическая успеваемость как показатель профессиональной самореализации в учебном заведении может быть маркером проявления девиантного поведения в интернет-пространстве в форме кибербуллинга [2; 3; 8].

С другой стороны, личностные характеристики и академические компетенции соискателей могут также влиять на поведение, демонстрируемое в их деятельности на виртуальных платформах. Хотя эти мысли выходят за рамки текущего теоретического исследования, понимание связей между киберзапугиванием, кибервиктимизацией, метакогнитивной осведомленностью и осознанием безопасности цифровых данных делают более понятными образовательные проекты, которые созданы для предотвращения этих проявлений. Кроме того, наличие в учреждениях ПОО корпоративных аккаунтов способствует снижению проявлений кибербуллинга, ведь каждый участник является идентифицированным, а общение между администрацией, преподавателями и студентами безопасным, то есть без угрозы вмешательства

внешних пользователей. Эти меры предосторожности необходимо изучать с различными группами и выборками, имеющими непохожий академический уровень и отношения с родителями [2; 3; 14; 19].

Теоретический анализ литературных источников свидетельствует о чрезвычайной важности предотвращения кибербуллинга в виртуальном пространстве, создания условий для расширения перспективы самореализации студенческой молодежи в системе ПОО. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в эмпирическом изучении социально-психологических факторов противодействия проявлениям кибербуллинга и в применении психокоррекционных программ снижения проявления буллинга в целом.

Список литературы

1. Аверкиева Е.В. Психологические особенности влияния кибербуллинга на молодежь. Психология образования: современный вектор развития: монография / под ред. И. А. Ершова, С. Б. Малых, Т. Н. Тихомирова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 454–467.

2. Вуран, С. Общешкольные исследования в «Журнале позитивных поведенческих вмешательств» // Образовательные науки: Теория и практика, № 16 (5), С. 1693–1710.

3. Иванова А. К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы. Интернет-журнал «Мир науки». 2018. Т.6. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN518.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

4. Кнышова Л. П., Артюхина А. И., Чумаков В. И. Кибербуллинг как социально-педагогическая проблема // Образовательный вестник «Сознание». 2020. Т. 22., № 4. С.5–9.

5. Ковальски Р. М., Джуметти Г. В., Шредер А. Н. и Латтаннер М. Р. Издательства в цифровую эпоху: критический обзор и метаанализ исследований киберзапугивания среди молодежи // Психологический бюллетень, 2014. № 140 (4). С. 1073–1137.

6. Ксенда О. Г. Содержание буллинга в высшем образовании в представлении студентов. Современные проблемы прикладной юридической психологии: материалы международной интернет-конференции / под ред. И. А. Фурманова, г. Минск, 23 ноября 2017 г. Минск: БГУ, 2017. С. 66–71.

7. Мишна Ф., Регер С., Лакомб-Дункан А., Дачюк Дж., Фиринг Г. и Ван Верт М. Социальные сети, киберагрессия и психическое здоровье студентов в университетском городке. Министерство здравоохранения, 2018. № 27(3). С. 222–229.

8. Молчанова Д. В., Новикова М. А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сер. Современная аналитика образования. 2020. № 1 (31). 72 с.

9. Пандемия. Информационные технологии и средства обучения. № 80(6). С. 267–280.

10. Помыткин Е. О., Помыткина Л. В. и Иванова О. В. Электронные ресурсы для изучения эмоциональных состояний учителей во время COVID-19 // Информационные технологии и способы обучения. 2020. Том 80. №6. С. 267–280.

11. Самаль Е. В. Общая и профессиональная самоактуализация личности студента в процессе обучения в вузе. Москва: РИВШ, 2010. 168 с

12. Чайка В.Г. Особенности социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе // Инновации в образовании. 2002. №2. С. 35–41.

13. Черкасенко О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 6. С. 52–54.

THEORETICAL REVIEW OF RESEARCH ON THE IMPACT OF CYBERBULLYING ON THE SELF-REALIZATION OF STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

T. S. Vorobieva

*Chelyabinsk Institute of Professional Education Development,
Chelyabinsk, Russia, Lu_hi@list.ru*

One of the reasons for the growing interest in the problem of cyberbullying as a violent act in the virtual space is its connection with academic performance. The fact that students spend most of their time in an educational institution full-time, or remotely use the educational platforms of vocational education, especially during isolation, has a significant impact on becoming a specialist, professional self-actualization.

Key words: cyberbullying, student environment, self-realization, deviant behavior.

Сведения об авторе

Воробьева Татьяна Сергеевна – научный сотрудник сектора психологии деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. Lu_hi@list.ru

УДК 342.94
ББК 60.8

СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Алена Кулакова

Научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов НИЦМП, г. Челябинск

В статье рассмотрены вопросы целесообразности проведения мониторинга эффективности деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обозначены проблемы, возникающие при выработке критериев оценки межведомственного взаимодействия, позволяющих выявить просчеты в организации совместной деятельности субъектов указанной системы. Проанализированы существующие методы оценки эффективности принимаемых мер по защите детей в целом, их реабилитации, а также профилактике отклоняющегося от общепринятых социальных норм поведения молодежи, предложены показатели для оценки продуктивности функционирования системы профилактики как единого целого.

Ключевые слова: несовершеннолетние, молодежь, система профилактики, правонарушения несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие, критерии оценки эффективности деятельности, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, деструктивные проявления.

Одним из важных критериев оценки благополучия любого прогрессивного общества является в том числе состояние подростковой преступности и иных деструктивных проявлений среди несовершеннолетних. Кроме того, стремительное развитие экономики и технологий, а также появление новых трендов массовой культуры и идеологий субкультур, преобладающих в молодежном сообществе, накладывает свой отпечаток на жизнь подростков, что требует от представителей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних быстрого реагирования на происходящие изменения и различного рода деструктивные проявления в молодежной среде.

Проводимый анализ показывает, что существующие социально-экономические проблемы в России в первую очередь отражаются на современной молодежи. Они напрямую влияют на положение детей в обществе, а также на снижение воспитательной функции семьи, что способствует

формированию различных девиаций в поведении несовершеннолетних, увеличению количества совершаемых ими правонарушений. Проблема асоциального поведения детей является одной из актуальных в настоящее время в России, так как устойчивое противоправное поведение у подростков в будущем оказывает негативное влияние на большинство общественных процессов, в том числе формирование качественных трудовых ресурсов, демографического потенциала и социально-психологического состояния в обществе.

Наиболее характерным примером, свидетельствующим о недостаточности или неэффективности принимаемых мер, направленных на сдерживание процесса криминализации несовершеннолетних и молодежи, является ситуация, складывающаяся в части российских регионов. Так, вопросы эффективности организации профилактики противоправного поведения несовершеннолетних в Челябинской области не теряют своей актуальности уже на протяжении длительного времени.

Несмотря на то, что на территории Челябинской области с 2019 года прослеживается тенденция к снижению уровня подростковой преступности в целом, среди других субъектов Российской Федерации с 2011 года она стабильно занимает одну из лидирующих позиций по количеству преступлений, совершенных подростками, достигшими уголовно наказуемого возраста. Согласно данным официальной статистики [8], Челябинская область в 2022 году по данному показателю занимала 3 место из 85 субъектов (по состоянию на 01.12.2022), уступая Свердловской и Кемеровской областям.

Помимо общего количества совершенных несовершеннолетними противоправных деяний, а также числа подростков, их совершивших, об отсутствии комплексного подхода и системных просчетах в организации профилактической работы, в том числе и в рамках межведомственного взаимодействия, свидетельствует ряд негативных факторов. В частности, одним из основных маркеров неэффективности принимаемых профилактических мер является повторная подростковая преступность, совершение преступлений и общественно опасных деяний несовершеннолетними из числа состоящих на различных профилактических учетах, в том числе в органах внутренних дел, а также рост числа фактов семейного неблагополучия.

В 2022 году число подростков, достигших возраста уголовной ответственности и совершивших преступления в период нахождения на учете в органах внутренних дел МВД России Челябинской области, возросло на 13,8 % (с 348 до 396), а также на 6,5 % (со 108 до 115) увеличилось число подростков, совершивших в период нахождения на профилактическом учете общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Таким образом, складывающаяся в подростковом сообществе ситуация обуславливает необходимость интенсивного развития системы, способной разработать и реализовать комплекс мер, направленных на профилактику и устранение факторов, способствующих противоправному поведению

несовершеннолетних, а также совершенствовать их с учетом актуальных потребностей семьи, общества и государства.

В общем смысле под системой понимается «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство» [5]. Более широкое определение характеризует систему как «совокупность взаимосвязанных элементов, образующую определенную целостность, которая обладает собственными свойствами, не сводимыми к сумме свойств ее элементов» [3. С. 10].

В России функции по профилактике безнадзорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выработке мер по устранению причин и условий, способствующих этому, законом возложены на сложную многоуровневую систему, включающую в себя органы и учреждения, деятельность которых в рамках своих компетенций направлена на решение указанных задач. Формирование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних неминуемо привело к возникновению проблемы оценки эффективности ее деятельности. В данном случае эффективность выступает своеобразным индикатором развития, свидетельствующим о том, что принимаемые профилактические меры позволяют решать возникающие проблемы и способствуют достижению цели, послужившей созданию системы.

Следует отметить, что проблема определения критериев оценки, позволяющих судить об эффективности функционирования системы профилактики в целом, очень важна и в то же время сложна. Важность обусловлена актуальностью вопросов обеспечения благополучного и безопасного детства, создания эффективной системы, способной решать задачи по профилактике негативных социальных явлений, отражающихся на подростковом сообществе. В настоящее время решение указанных вопросов стало одним из важнейших приоритетов государственного развития [11].

Сложность состоит в многоуровневой структуре системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включающей в себя внутрисистемные связи между органами и учреждениями разных уровней общественного управления, обладающими разным объемом и содержанием полномочий [4]. Кроме того, существует множество факторов, затрудняющих выработку универсальных единых критериев оценки эффективности принимаемых субъектами системы профилактики мер, так как количественные и качественные показатели эффективности у каждого из них могут интерпретироваться по-разному.

В соответствии с действующим законодательством [1] в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения;
- органы, осуществляющие управление в сфере образования;
- органы опеки и попечительства;
- органы по делам молодежи;

- органы управления здравоохранением;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел;
- учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Ведущая роль в организации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних принадлежит комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП). Принимая во внимание факт координирующей роли КДН и ЗП, а также то, что её непосредственными членами являются представители руководящего состава органов и учреждений системы профилактики [9], под оценкой эффективности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних фактически подразумевается оценка эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Несмотря на значимость вопросов оценки эффективности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, принятия мер по ее совершенствованию [10], проведенный анализ действующих нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность КДН и ЗП, а также органов и учреждений, входящих в систему профилактики, показал, что в настоящее время не существует единых, утвержденных на законодательном уровне, критериев оценки, позволяющих оценить качество совместной межведомственной деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, реализуемых мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих девиантному поведению детей и подростков и оказывающих непосредственное либо косвенное влияние на криминогенную обстановку. При этом ученые отмечают, что «наличие огромного массива нормативных актов, регулирующих права ребенка и деятельность различных органов по их защите, при слабом развитии межотраслевой связи, приводит к возникновению пробелов и коллизий» [6. С. 9].

Применяемые методы оценки деятельности каждого субъекта системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не позволяют сделать выводы об эффективности организации межведомственного взаимодействия в решении стоящих перед системой профилактики задач. Более того, в ряде случаев данные критерии противоречат друг другу и не позволяют выявить и исключить просчеты в организации межведомственного взаимодействия на этапе как первичной, так и вторичной профилактики.

С целью выработки наиболее действенных форм и методов профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, учитывая отсутствие общепринятых критериев оценки эффективности деятельности КДН и ЗП, а также системы профилактики в целом, в различных регионах России самостоятельно определяются показатели для оценки. При этом определяемые показатели в большинстве случаев также характеризуют эффективность субъектов системы профилактики, а не работу системы как единое целое [6].

Осознание необходимости совершенствования системы профилактики путем организации продуктивной работы по решению возложенных на нее задач послужило толчком к принятию в декабре 2018 года Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав Российской Федерации решения о разработке методических рекомендаций по доработке и использованию критериев оценки эффективности деятельности региональной и территориальных (муниципальных) КДН и ЗП, а также системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории субъектов Российской Федерации. Во исполнение указанного решения Министерством просвещения РФ с участием ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» подготовлены и направлены в регионы соответствующие рекомендации, содержащие девять разделов, исходя из которых к оценке представлено восемнадцать критериев [7].

Доказано, что наиболее ярким показателем наличия либо отсутствия эффективности при совместной реализации субъектами системы профилактики комплекса профилактических мер являются статистико-криминологические показатели состояния подростковой преступности. При этом необходимо принимать во внимание составляющие явления преступности, такие как преступление, преступник, жертва преступления, а также основные характеристики явления преступности. Кроме того, необходимо анализировать не только преступления, но и общественно опасные деяния, совершенные подростками до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Таким образом, необходимо учитывать такие аспекты, как совершение подростками повторных преступлений, в том числе в период проведения с ними индивидуальной профилактической работы, нахождение в период совершения противоправных деяний в состоянии опьянения, совершение противоправных деяний законными представителями в отношении детей, проживающих в семьях, состоящих на профилактических учетах, которые свидетельствуют о неэффективности деятельности системы профилактики. Вместе с тем, из вышеперечисленного в сформулированных Министерством просвещения Российской Федерации рекомендациях предлагается учитывать лишь совершение несовершеннолетними преступлений и общественно опасных деяний в период реализации в отношении них комплекса индивидуальных профилактических мер.

Также весьма спорными являются критерии, касающиеся доли несовершеннолетних, в отношении которых прекращена индивидуальная профилактическая работа по причине улучшения ситуации, а также доли несовершеннолетних, возвращенных в кровные семьи после реабилитации в специализированных учреждениях социальной защиты населения. Наличие данных критериев оценки может повлиять на преждевременность принятия решений о прекращении проведения с подростком индивидуальных профилактических мероприятий, а также ложных выводов о возможности проживания ребенка в семье, из которой он был изъят, с целью улучшения статистических показателей при оценке деятельности органов и учреждений

системы профилактики.

И вновь обращает на себя внимание несовершенство предложенного принципа оценки эффективности межведомственной деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Так, по-прежнему предлагается оценивать каждый субъект системы профилактики (по отдельному взятому органу или учреждению) в зависимости от специфики деятельности, а не работу системы в целом, то есть организацию взаимодействия органов и учреждений системы профилактики, слаженность их действий. При этом об общей эффективности судят по среднему арифметическому значению полученных данных. Вместе с тем, исходя из предложенных Министерством просвещения Российской Федерации критериев, не берутся во внимание такие существенные показатели, как количество совершенных несовершеннолетними противоправных деяний (преступлений и общественно опасных деяний) в целом, число выявленных фактов неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей со стороны их законных представителей (в том числе совершенных повторно), число несовершеннолетних, находящихся на домашнем обучении (необходимо изучение причин и обоснованности перевода ребенка на домашнее обучение), а также число незанятых подростков, окончивших 9 классов. Кроме того, не предлагается оценивать работу представителей органов здравоохранения по раннему выявлению и профилактике семейного неблагополучия, пресечению фактов применения насилия к детям, а также работу по привлечению к участию в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних общественных организаций. Также не дается оценка вовлеченности несовершеннолетних в различные деструктивные сообщества и обстановки, связанной с суицидальными проявлениями в подростковой среде.

На основании проведенного анализа, с учетом складывающейся криминогенной обстановки в обществе, в том числе в подростковой среде, а также в рамках решения задач, поставленных перед системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних государством [10] для достижения максимального профилактического эффекта при оценке деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, наряду с существующими критериями оценки целесообразно принимать во внимание следующие показатели:

1. Количество совершенных несовершеннолетними преступлений.
2. Количество совершенных несовершеннолетними наркопреступлений.
3. Число несовершеннолетних, ставших участниками преступлений.
 - 3.1. Число несовершеннолетних, ставших участниками преступления повторно.
 - 3.2. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в период нахождения на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России.

3.3. Число несовершеннолетних, указанных в п.3.1, воспитывающихся в семьях группы риска (состоящих на учете в органах социальной защиты населения).

3.4. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в период нахождения на педагогическом учете в образовательной организации.

4. Количество общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность (далее – ООД).

5. Число несовершеннолетних, совершивших ООД.

5.1. Число несовершеннолетних, совершивших ООД в период нахождения на профилактическом учете в ОВД.

5.1.1. Количество направленных в суд ходатайств о помещении несовершеннолетних указанной категории в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей МВД России.

5.2. Число несовершеннолетних, совершивших ООД повторно.

5.2.1. Количество вынесенных КДН и ЗП ходатайств о направлении несовершеннолетних, совершивших ООД повторно в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

5.3. Число несовершеннолетних, совершивших ООД, воспитывающихся в семьях группы риска (состоящих на учете в органах социальной защиты населения).

5.4. Число несовершеннолетних, совершивших ООД в период нахождения на педагогическом учете в образовательной организации.

6. Число несовершеннолетних, состоящих на индивидуальном профилактическом учете, охваченных постоянными организованными формами досуга.

7. Количество выявленных фактов повторного неисполнения родительских обязанностей со стороны законных представителей детей.

8. Количество направленных представителями органов здравоохранения информации о нахождении детей в социально опасном положении (проживание с законными представителями, страдающими алкогольной или наркотической зависимостью, имеющими ряд психических заболеваний, не исполняющими рекомендации врачей при наличии заболеваний у детей и т.п.).

9. Число незанятых несовершеннолетних, окончивших 9 классов.

10. Число несовершеннолетних, переведенных в отчетном периоде на домашнюю форму обучения.

10.1. Число несовершеннолетних, переведенных на домашнюю форму обучения в период нахождения на индивидуальном профилактическом учете.

11. Количество профилактических мероприятий, проведенных на территории муниципального образования с привлечением некоммерческих организаций.

Кроме того, необходимо учитывать складывающуюся обстановку, связанную с суицидальными проявлениями в подростковой среде и вовлеченностью несовершеннолетних в различные деструктивные сообщества

(исходя из данных, получаемых в ходе мониторинга социальных сетей), так как распространение данных негативных явлений свидетельствует о недостаточности принимаемых профилактических мер, направленных не только на пресечение формирования девиантного поведения у подростков, но и на защиту детей от негативных воздействий и преступных посягательств.

Предложенные к учету показатели нельзя считать исчерпывающими, так как в большей мере они применимы в регионе с осложненной оперативной обстановкой, когда регистрируется значительное количество преступлений и правонарушений, совершаемых как несовершеннолетними, так и в отношении них.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения 10.01.2023).

2. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. N 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705290022> (дата обращения 09.01.2023).

3. Автономов А. С. Ювенальная юстиция: учебное пособие. Москва: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009. 186 с.

4. Беженцев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, НОУ ВПО «МПСИ», 2012. 296 с.

5. Большой энциклопедический словарь URL: <https://www.vedu.ru/bigenctic/57627/> (дата обращения 12.01.2023).

6. Борисова В. Ф., Ильгова Е В., Кузнецова И. О. Оценка эффективности деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: коллективная монография // Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: ИП Коваль Ю. В., 2015. 124 с.

7. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 07-7187 «О предоставлении информации». Приложение «Методические рекомендации по доработке и использованию критериев оценки эффективности деятельности региональной и территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории субъектов Российской Федерации», 79 с.

8. Показатели преступности России. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. // URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения 17.01.2023).

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 года № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам

несовершеннолетних и защите их прав» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499055390> (дата обращения 10.01.2023).

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 года № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и плана мероприятий на 2021-2025 годы по ее реализации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420395219#6560IO> (дата обращения 09.01.2023).

THE SPECIFICITY OF ASSESSING THE EFFICIENCY OF INTER-DEPARTMENTAL INTERACTION OF THE SUBJECTS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF HOME SUPERVISION AND MINOR OFFENSES

A. A. Kulakova

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education,
Chelyabinsk, Russia. alyona.sum@mail.ru*

The article discusses the issues of expediency of monitoring the effectiveness of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency, identifies the problems that arise in the development of criteria for assessing interdepartmental interaction, which make it possible to identify miscalculations in the organization of joint activities of the subjects of this system. Existing methods for assessing the effectiveness of measures taken to protect children in general, their rehabilitation, as well as the prevention of youth behavior deviating from generally accepted social norms are analyzed, indicators are proposed to assess the productivity of the prevention system as a whole.

Key words: minors, youth, prevention system, juvenile delinquency, interdepartmental interaction, criteria for evaluating the effectiveness of activities, the commission for minors and the protection of their rights, destructive manifestations.

Сведения об авторе

Кулакова Алёна Анатольевна – научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. alyona.sum@mail.ru

УДК 159.9
ББК 74.24

МЕДИАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Сауле Тяжельникова

Младший научный сотрудник
сектора исследований
педагогических инструментов
НИЦМП, г. Челябинск

Статья посвящена изучению различных систем медиативных компетенций педагога профессиональной образовательной организации в разрезе компетентностного подхода в отечественной педагогике и психологии. Рассмотрены условия для формирования безопасной и бесконфликтной образовательной среды, раскрыты основные критерии, из которых состоит система медиативных компетенций педагога, а также умения и навыки, которыми должен обладать педагог для успешного разрешения конфликта в образовательной организации.

Ключевые слова: медиативная компетентность, компетентностный подход, профессиональное образование, медиация в образовании, медиативные компетенции.

Образовательная среда – очень сложная социальная система, решающая задачи как образовательного, так и воспитательного характера, нацеленные в комплексе на достижение позитивной социализации обучающихся. Как и в любой социальной среде, там возможны конфликты линейного и вертикального характера. Стоит отметить, что профессиональные образовательные организации как первичный институт социализации в данном случае выступают одной из самых напряженных областей в связи с возрастными особенностями обучающихся. Отметим, что в основополагающих документах в области современного образования (Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации», Национальная доктрина образования в РФ) устанавливается ряд требований к организации образовательного пространства, в том числе требования безопасности и бесконфликтности. Такие требования адресованы, в первую очередь, к компетенциям образовательной организации, а также лично к коммуникативным навыкам педагога, выступая жестко фиксированным критерием организации педагогической работы.

Любые конфликтные ситуации, решению которых педагог не уделяет своевременно должного внимания, могут серьезно повлиять на комфортность и безопасность образовательной среды, а если не предпринять вообще никаких мер по стабилизации ситуации – решение задач образовательного процесса серьезно пострадает. Таким образом, важным условием для создания безопасной и

бесконфликтной среды является способность и готовность педагога работать в направлении профилактики возникновения и эскалации разнообразного рода конфликтов, возникающих в профессиональной образовательной организации. В силу того, что профессиональные педагогические задачи регулярно усложняются, а система взаимоотношений между всеми субъектами образовательного процесса требует частого урегулирования, современному педагогу жизненно необходимо иметь навыки управления конфликтной ситуацией, уметь предупредить ее возникновение и предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта. Высокие риски возникновения конфликтов в системе профессионального образования (объясняемые, в первую очередь, формирующимися наравне с уже имеющимися потребностями обучающихся, такими как самоидентичность, потребность в признании, межличностные отношения и др.) требуют активного использования в профессиональной деятельности навыков медиативного подхода. Данный подход является одним из основных способов урегулирования споров в образовательной среде при содействии медиатора, согласно Методическим рекомендациям Минобрнауки России по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях (письмо от 18.12.2015 № 07-4317).

Таким образом, в современной системе профессионального образования необходимо быть не только квалифицированным специалистом, но и, прежде всего, компетентным.

Для компетентного педагога важно не только обладать определенным набором знаний, умений и навыков, но и в полной мере реализовывать их в своей профессиональной деятельности, при этом регулярно выделять время для своего саморазвития, приобретения нового опыта, избегая в педагогической работе шаблонности принятия решений.

Многие современные исследователи в своих работах ставят между понятиями «компетенция» и «компетентность» знак тождественности, однако все же эти два термина следует различать. Э. Ф. Зеер отмечает, что «под компетентностью понимаются знания, умения и опыт человека, а способность актуализировать и мобилизовать их в определенной профессиональной ситуации обуславливает компетенцию успешной личности. Компетенции — это интегративная целостность знаний, умений и навыков, обеспечивающих профессиональную деятельность, то есть способность человека реализовывать на практике свою компетентность» [3]. Следовательно, говоря о компетенциях, мы берем во внимание не только владение теоретическими знаниями в области медиации, но и умение их адаптировать к вызовам образовательной среды, посредством проявления гибкости и хорошо развитых коммуникативных навыков. Я. А. Корнеева, в свою очередь, обозначает понятие компетенции как «обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности» [5].

Отечественные публикации на тему медиативных компетенций представлены довольно ограниченно, в связи с этим в современных

исследованиях можно выделить лишь несколько подходов медиативных компетенций педагога.

Я. А. Корнеева, Л. И. Шахова и А. К. Сорванова сформулировали следующую структуру профессиональных «медиативных компетенций».

1) Коммуникативность – умение поддерживать межличностное взаимодействие, уточнять, побуждать и повествовать.

2) Управление конфликтом – умение определить существо конфликта и организовать открытое и эффективное взаимодействие.

3) Анализ проблемы – умение добиться точных сведений, прояснение спорных моментов путем постановки ряда конкретных вопросов, выявление потенциальных возможностей или самой разнообразной информации, которая может пригодиться в будущем.

4) Планирование – способность разработать программу собственной деятельности.

5) Самоконтроль – умение брать под контроль свои мысли, эмоции, поведение, применяя для этого необходимые волевые усилия» [5].

Таким образом, подход строится на развитии педагогом надпрофессиональных коммуникативных навыков, требующих междисциплинарных знаний в области психологии, риторики, формальной логики и педагогики.

Также выделяется отдельная система медиативных компетенций педагогов, сформулированная И. П. Тепловой, которая включает в себя пять основных направлений:

– теоретическая база знаний о конфликтологии и процедуре медиации (типология конфликтов, причины возникновения и пути развития, а также представления об этапах и структуре процедуры медиации);

– навыки медиативного управления конфликтом (умение активно слушать и слышать всех участников медиации, правильно истолковывать движущие мотивы собеседника, вовремя задать правильный направляющий вопрос, корректно демонстрировать свою вовлеченность в беседу, не допускать критических высказываний);

– умение фасилитировать медиативный процесс (техники активного слушания и отражения полученной информации; применение практических навыков эмоционального интеллекта; выявление определенных поведенческих маркеров и невербальных реакций участника процесса; умение восстановить коммуникацию между участниками спора, применяя восстановительный подход);

– соблюдение этического кодекса и основополагающих принципов работы медиатора (конфиденциальность, нейтральность, добровольность участия, равноправие).

– индивидуальные характеристики медиатора (четкое представление специалиста о личных ресурсах и пределах своих возможностей; понимание механизмов саморегуляции и умение их применять на практике). [9]

Анализируя источники по теме исследования, мы пришли к выводу о том, что наиболее полно структуру медиативных компетенций педагогов в системе профессионального образования, отражают компоненты, выделенные М. С. Бойко: «коммуникативную, информационно-аналитическую, мнемическую, организационно-управленческую, эмоциональную компетенцию» [1].

Коммуникативная компетенция позволяет обобщать и резюмировать; эффективно коммуницировать в процессе анализа истоков и вариантов развития конфликтной ситуации непосредственно участникам спора, а также находить оптимальные пути выхода из конфликтной ситуации; задавать правильные и эффективные вопросы, а также периодически подтверждать свою вовлеченность в процесс посредством обратной связи каждому участнику; удерживать уровень этического, корректного и доброжелательного общения на протяжении всей процедуры, а также регулировать допустимость и критичность высказываний, не допуская проявлений агрессии.

Информационно-аналитическая компетенция предполагает умение вычленять основную суть конфликтной ситуации, максимально корректно выявить потребности и позицию каждого из участников спора; анализировать и структурировать всю добытую информацию о конфликте с целью увидеть и оценить сложившуюся ситуацию с разных сторон; проверить все факты на достоверность и реалистичность; после того, как будет полностью ясна картина конфликта, иметь возможность делать предположения касательно развития конфликта, прогнозировать влияние последствий на дальнейшие взаимоотношения сторон; проводить оценку завершенности и эффективности проведенных этапов медиативного процесса, оценивая разрешенность их задач.

Мнемическая компетенция предусматривает наличие умений запоминать большой массив различного рода информации, важной для проведения медиативного процесса (имена всех лиц, которые имеют отношение к спору, важные детали и т.д.).

Эмоциональная компетенция также крайне важна в решении возникающих конфликтов в образовательной среде, и педагог, безусловно, должен уметь эффективно контролировать и регулировать собственную эмоциональную сферу: сохранять способность к позитивному и конструктивному мышлению; применять принцип безоценочного принятия мыслей, эмоций и чувств каждой из сторон; выполнять функцию регулятора психологического климата во время процедуры; создавать благоприятную атмосферу для успешного диалога сторон, при этом быть готовым чутко и вовремя отреагировать на происходящие изменения обстановки; поддерживать корректные отношения между сторонами, не допуская проявлений агрессивности.

Управленческую компетенцию составляют следующие умения: планировать все аспекты ресурсного обеспечения медиативной процедуры; согласовывать время и место, обязательно учитывая при выборе различные факторы, которые впоследствии могут оказать влияние на ход встречи;

мотивировать участников медиации на конструктивное решение конфликта; планировать весь процесс медиативной процедуры, включая даже незначительные на первый взгляд нюансы; следить за регламентом и нормами реализации процесса медиации; удерживать участников спора в этических рамках процедуры; обеспечивать соблюдение временного регламента медиативной встречи, следуя таким образом принципу равноправия; добиваться принятия четко сформулированных решений и просчитывать степень реальности выполнения сторонами условий медиативного соглашения; предвидеть возможность возникновения различного рода организационных проблем и быть готовым их оперативно разрешить.

При этом вышеперечисленные компетенции взаимодействуют между собой, пересекаясь и дополняя друг друга в процессе управления примирительной процедурой. Таким образом, мы приходим к выводу, что медиативная компетентность является одной из ключевых составляющих профессиональной компетентности педагога профессионального образования, так как именно она позволяет грамотно разрешить разного рода и формата споры, возникающие в образовательном процессе, включая как линейные (обучающийся - обучающийся), так и вертикальные (обучающийся - преподаватель либо сотрудник - руководство) конфликты, обеспечивая таким образом благотворный психологический микроклимат в образовательной среде.

Система образования в образовательном стандарте регламентирует требования к педагогическим работникам о формировании бесконфликтной и безопасной среды в ходе реализации образовательного процесса. Стандарт прямо перечисляет требования к компетенциям педагога в данном направлении без учета содержательной части знаний, умений и навыков, необходимых для его достижения. При этом медиативная работа педагога находится на стыке психологии, педагогики, риторики и других отраслей знания, тем самым требуя более тщательного внимания к развитию медиативных компетенций педагога на уровне гибких навыков.

Список литературы

1. Геворкян С. Р. Феномен конфликта и педагогическая Наука // ИТС. 2005. №3. С. 167–172.
2. Дормидонтов Р. А. Педагогическая конфликтология : учебное пособие // ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 2021. 89 с.
3. Зеер Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // Образование и наука. 2004. №3. С. 42–52.
4. Качалова А. Б. Медиативная компетентность как эффективное условие развития психологической культуры педагога // Гуманитарные, социально-экономические и социальные науки. 2014. № 51. С. 123–127.
5. Корнеева Я. А., Шахова Л. И., Сорванова А. К. Профессиональные компетенции медиаторов с различной успешностью проведения примирительных процедур // Психология и психотехника. 2020. №4. С. 53–77.
6. Методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях // Законодательство Российской Федерации

RuLaws.ru URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-18.12.2015-N-07-4317/> (дата обращения 12.01.2023).

7. Удавихина У. А. Социально-психологические особенности профессиональной деятельности медиатора : дис. ... канд. псих. наук : 5.3.5. СПб, 2021. 347 с.

8. Хертель фон А. Профессиональное разрешение конфликтов: медиативная компетенция в Вашей жизни. – СПб. : Изд-во Вернера Регена, 2007. 271 с.

9. Совершенствование профессионального образования в условиях реализации компетентностного подхода : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (15 апреля 2021 г.). Челябинск : ЧИРПО, 2021. 203 с.

10. Потапова М. В. Компетентностный подход к формированию у студентов педагогических специальностей СПО профессиональных знаний, умений, цифровых навыков // Инновационное развитие ПО. 2020. № 1. С. 90–98.

11. Теплова И. П. Медиативные компетенции как предпосылка конструктивного урегулирования конфликта субъектами образовательного взаимодействия // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. 11 (4А). С. 46–55.

12. Хорошевская И. В. Формирование медиативной компетентности будущих педагогов как психолого-педагогическая проблема // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 113–118.

MEDIATIVE COMPETENCE OF VOCATIONAL EDUCATION TEACHERS AS A FACTOR OF SAFE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

S.N. Tyazhelnikova

*Chelyabinsk Institute for the Development of Vocational Education,
Chelyabinsk, Russia. Satira90@mail.ru*

The article is devoted to the study of various systems of mediative competencies of a teacher of a professional educational organization in the context of a competency-based approach in domestic pedagogy and psychology. The conditions for the formation of a safe and conflict-free educational environment are considered, the main criteria that make up the system of mediative competencies of a teacher, as well as the skills that a teacher must have to successfully resolve a conflict in an educational organization, are disclosed.

Keywords: mediation competence, competence-based approach, vocational education, mediation in education, mediation competencies.

Сведения об авторе

Тяжельникова Сауле Нурхановна – младший научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. Satira90@mail.ru

УДК 371
ББК 74.200

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Галина Ярославова

кандидат педагогических наук,
заведующий сектором
психологии НИЦМП, г.
Челябинск

В работе затрагивается тема буллинга, последствий его влияния на участников этого процесса, особенности разработки программ и инструментов профилактики. Вводится определение понятия «педагогические инструменты профилактики буллинга». Основное внимание в работе автор акцентирует на многообразии программ и инструментов профилактики буллинга в образовательной среде, приводит примеры как теоретической разработанности проблемы, так и конкретные примеры реализации программ с описанием некоторых педагогических инструментов.

Ключевые слова: буллинг, травля, профилактика буллинга, педагогические инструменты профилактики буллинга.

Достаточно продолжительное время явление буллинга оставалось за пределами внимания психолого-педагогического сообщества. В конце XX века норвежский учёный Д. Ольвеус предложил определение буллинга (травли) как «преднамеренное, систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [11]. Учёный подчеркивает три ключевые характеристики травли: агрессивное поведение имеет целенаправленный характер; осуществляется систематически; жертва не имеет возможности защитить себя из-за неравенства силы или власти.

В процессе развития исследований на тему буллинга в психологии и педагогике стали появляться многочисленные программы по профилактике данного явления, а также разрабатываться, реализовываться и популяризироваться педагогические инструменты профилактики травли.

Актуальность разработки педагогических инструментов профилактики травли в образовательной среде подчеркивается тем, что последствия травли для всех её участников являются крайне травматичными. А. А. Бочавер отмечает такую закономерность: если школьник вовлечен в ситуацию буллинга, то это может негативно отразиться в его будущем на физическом и психическом здоровье, а именно на реализуемой образовательной траектории и вовлеченности в учебу, супружеских и дружеских отношениях, финансовом благополучии и успешности трудоустройства [2]. Данный вывод необходимо учитывать при разработке педагогических инструментов профилактики травли.

Под педагогическими инструментами мы вслед за Л. Берилл понимаем спектр активностей, организованных педагогом в процессе взаимодействия с аудиторией, включающий в себя интерактивные, вовлекающие в образовательный процесс, формы, методы, техники [10]. Соответственно «педагогические инструменты профилактики буллинга» можно определить как спектр активностей (методик, техник, упражнений), организованных педагогом по теме травли, с целью вовлечения аудитории в деятельность по проживанию и усвоению нового опыта.

Исследуя проблемы и ресурсы комплексной программы профилактики агрессивного поведения в образовательной организации, при этом выделяя буллинг составной частью агрессивного поведения, ученые Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования [7] подчеркивают значимость разработки глобальной программы, включающей несколько этапов: оценки ресурсов; планирования и реализации программ профилактики; оценки их эффективности; встреч со специалистами в образовательных учреждениях и внутри сети пилотных площадок. Одним из наиболее значимых этапов выделяется встреча с кураторами и экспертами ИИДСиВ с целью проведения рефлексии, анализа, обсуждения возникших затруднений и выявления инновационных педагогических инструментов профилактики.

На сегодняшний день широкий спектр педагогических инструментов профилактики буллинга в образовательной среде представлен в различных методических изданиях, ориентированных на педагогов, психологов, молодежных и социальных работников [4], [5], [6].

Рассматривая вопрос профилактики буллинга в образовательной среде, необходимо обратиться к опыту Е. И. Волковой, характеризующей программы первичной, вторичной и третичной профилактики [3]. Первичная профилактика травли проявляется как превенция ситуаций буллинга в образовательном учреждении при использовании формирования общественного неприятия агрессивного поведения, публичное определение общей позиции по прекращению травли среди всех участников процесса. Вторичная профилактика имплицитно сдерживание провокационных факторов буллинга и усиливает защитные факторы, а именно оптимизирует отношения в подростковой среде. Следующий уровень – это уровень третичной профилактики, где исследователь акцентирует внимание на комплексе мер психологической помощи жертвам и свидетелям буллинга, не исключая обидчиков. Ещё одним важным аспектом на уровне третичной профилактики является помощь окружению жертв, агрессоров и свидетелей.

А. А. Реан и А. А. Ставцев противопоставляют программам профилактики такой психолого-педагогический инструмент как позитивные психологические интервенции и рекомендуют использовать его не только для профилактики буллинга, но и для профилактики агрессии и школьного неблагополучия в образовательных организациях [8].

В первичной профилактической работе в образовательной среде Е. В. Щетинина и С. С. Бредихин относят диагностику выявления маркеров асоциального поведения к одному из эффективных педагогических инструментов, который может быть использован педагогическим сообществом в совокупности с другими инструментами профилактики буллинга [9].

Изучив теоретические и практические аспекты темы профилактики буллинга в образовательной среде, разработав и апробировав программу профилактики травли и кибертравли для школьников и студентов ссузов совместно с общественной организацией Институтом социальных инноваций «Продвижение», основываясь на данных обратной связи участников программы, предлагаем ознакомиться с наиболее востребованными педагогическими инструментами профилактики буллинга в образовательной среде: форум-театр и антибуллинговая хартия.

Форум-театр на сегодняшний день является одним из актуальных педагогических инструментов, позволяющих формировать модели поведения студентов и школьников в различных ситуациях травли. Сущность «Форум-театра» как артпрактики заключается в том, что в ходе спектакля на сцене разыгрывается заранее спланированная, очень конкретная и качественно отрепетированная сцена, отражающая проблему буллинга. Работа над сценарием осуществляется в совместной деятельности между студентами/старшеклассниками/педагогами/наставниками в зависимости от команды. Сюжет в основе своей содержит конфликтную ситуацию, которая развивается драматическим образом и выходит до уровня кульминации. Сценическая постановка обнажает и выставляет на рассмотрение конкретную проблему буллинга в коллективе, а герои на сцене – персонажи, которые в игре выполняют определенные социальные роли. Главная сущность педагогического инструмента «Форум-театр» заключается в том, чтобы в рамках показанного спектакля найти совместно с участниками-зрителями пути решения из сложившейся трудной ситуации. Задачи, которые ставит перед собой педагог, использующий данный инструмент – это разрушение стереотипов поведения и поддержка положительных реакций и вариантов решения конфликта.

В основе «Форум-театра» лежит методика сценического действия и организация обратной связи с аудиторией. Можно рассматривать педагогический инструмент «Форум-театр» как артпрактику посредством которой у аудитории закрепляется установка, что конфликтную, негативную ситуацию можно разрешить с помощью активных действий по защите себя и своих прав на уважительное обращение и общение в рамках ненасильственных практик. Главной задачей «Форум-театра» является побуждение зрителей к активному решению своих проблем, а в рамках профилактики буллинга одним из ключевых моментов будет помощь свидетелям травли занять позицию защитника и не допустить продолжения буллинга. Более подробно данный педагогический инструмент описан в методическом пособии Центра толерантности [5].

В 2019 году АНО «БО «Журавлик» в рамках проекта создания в образовательных учреждениях психологически безопасной среды для детей «ТравлиNET» была разработана Антибуллинговая хартия для выработки в школе единого подхода к борьбе с травлей и формирования негативного к ней отношения в образовательной среде. «Хартия устанавливает правила поведения, права и обязанности образовательных учреждений, их руководителей, их работников, учащихся, родителей и иных законных представителей учащихся при взаимном общении (включая цифровое пространство)» [1]. Если в школе принята общая политика относительно буллинга, это на системном уровне решает одну из главных задач – понимание сути проблемы и принимаемых в школе методов для ее решения и профилактики; ребенок не остается один на один с ощущением совершенного насилия, взрослые понимают свой план действий в ситуации травли; формируется понятное для всех семантическое пространство и, соответственно, борьба с таким насилием переходит в публичное и систематическое поле.

Опыт участия в буллинге любого из участников данного процесса (свидетеля, жертвы, агрессора) можно характеризовать как деструктивный вариант социализации. Ключевым адресатом профилактической работы по теме буллинга являются свидетели, хотя это не умаляет работы с агрессорами и жертвами травли. Основные стратегии использования педагогических инструментов профилактики буллинга в образовательной среде необходимо направить на изменение поведения всех субъектов: педагогов, подростков, родителей). Педагогические инструменты профилактики травли подбираются для каждой отдельной образовательной организации исходя из той ситуации, которая сложилась в конкретном образовательном учреждении, а также с учётом запроса и имеющихся ресурсов образовательной среды.

Список литературы

1. Антибуллинговая хартия. 2019 URL: <https://zhuravlik.org/docs/manifest.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
2. Бочавер А. А. Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 2. С. 393–409.
3. Волкова Е. Н. Программы профилактики подросткового буллинга в деятельности педагога-психолога // Вестник практической психологии образования. 2021. Т. 18. № S3. С. 90–97.
4. Методические рекомендации по профилактике буллинга в общеобразовательной организации / отв. ред. Погребная С. К., Чиркова Т. Н., Бзыкова А. А., Лебедина Е. В. [и др.]. Краснодар, 2020. 24 с.
5. Методическое пособие «Форум театр для «чайников» или как создать спектакль форум театра» URL: <https://www.jewish-museum.ru/events/tekhnologiya-forum-teatra-ot-teorii-k-praktike-17-10/> (дата обращения: 12.01.2023)
6. Преодоление и профилактика буллинга в школе / Департамент образования Вологод. обл., Вологод. ин-т развития образования. Вологда: ВИРО, 2018. 52 с.

7. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде / К. Д. Хломов, А. А. Бочавер, Р. А. Андрианова [и др.]. – М: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. 364 с

8. Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 37–59.

9. Щетинина Е. В., Бредихин С. С. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2020. №3 (22). С. 43–47.

10. Beryl L. L. Pedagogical Tools: In-Class Activities. Teaching Tools, Fieldsights, January 11. 2013. URL: <https://culanth.org/fieldsights/pedagogical-tools-in-class-activities> (accessed: 13.01.2023).

11. Olweus D. Bully/victim problems in school: facts and intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. XXII. No. 4. Pp. 495-510.

PEDAGOGICAL TOOLS FOR PREVENTION OF BULLYING IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

G. Yu. Yaroslavova

Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, Chelyabinsk, Russia, galinayaroslavova@gmail.com

The article discusses the topic of bullying, the consequences of its influence on the participants in this process, the features of the development of programs and prevention tools. A definition of the term «pedagogical tools for the prevention of bullying» is introduced. The main attention in the work the author focuses on the variety of programs and tools for preventing bullying in the educational environment, gives examples of both the theoretical development of the problem, and specific examples of the implementation of programs with a description of some pedagogical tools.

Key words: bullying, bullying, bullying prevention, pedagogical tools for bullying prevention.

Сведения об авторе

Ярославова Галина Юрьевна – кандидат педагогических наук, заведующий сектором психологии деструктивных проявлений в образовательной среде Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. galinayaroslavova@gmail.com

ВОПРОСЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ
С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ

УДК 342.745
ББК 67.042

ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Регина Мухаметова

Научный сотрудник сектора по разработке программ социокультурной адаптации НИЦМП, г. Челябинск

В данной статье проанализированы состояние, структура и динамика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, приведена статистика, по которой проведен сравнительный анализ преступлений за период 2020–2022 годов. Предложены методы работы по профилактике преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: преступность, мигранты, иностранные граждане, причины преступности, личность преступника, предупреждение преступлений.

На протяжении последних лет проблема преступлений, связанных с иностранными гражданами, на территории Российской Федерации становится все более актуальной. В связи с этим к вопросам, связанным с миграционными процессами, наблюдается повышенное внимание со стороны средств массовой информации, общественности и государства в целом, в том числе их связи с изменениями криминогенной обстановки в обществе.

Если государство будет изолировано от мирового сообщества, то оно не сможет функционировать и развиваться в полной мере. Так или иначе все страны находятся во взаимодействии друг с другом, поскольку их объединяют различные социально-экономические, политические и культурные связи. В настоящее время прослеживается тенденция к расширению масштабов миграционных потоков. Это объясняется развитием общественных институтов, технологий, а также стремительной скоростью обмена информацией и ресурсами [8. С. 47–58].

Иностранные граждане, выезжая из страны происхождения, преследуют различные цели, в том числе осуществление преступной деятельности. В силу особенностей преступность иностранных граждан представляет собой относительно самостоятельный объект криминологического исследования. В современной криминологии преступность иностранных граждан рассматривается как разновидность преступности мигрантов.

Из Федерального закона № 115, регламентирующего правовые основы нахождения иностранных граждан на территории РФ, следует, что иностранными гражданами признаются лица, не являющиеся гражданами РФ и

имеющие доказательства факта гражданства (подданства) иностранного государства [6].

Понятие «преступность» носит криминологический характер и в целом подразумевает социально-правовое явление, которое выражается в социально обусловленном отклонении поведения членов общества от норм, установленных уголовным законом, искажающее отношения в обществе, порождающее беспорядок во всех сферах жизнедеятельности.

Под преступностью мигрантов подразумевается вся совокупность преступлений, совершенных мигрантами. Специфика таких преступлений характеризуется особенностями самих групп мигрантов и их положением в обществе [3. С. 48].

По мнению Ж. М. Зайончковской, миграция является неким этапом, переходом граждан через границы тех территорий, на которых они официально проживали, на постоянное или временное место жительства с возможностью вернуться на Родину [2. С. 48].

Для того, чтобы понять какое влияние мигранты оказывают на криминальную обстановку в Российской Федерации, следует провести анализ статистики, отражающей складывающуюся миграционную ситуацию.

На основании приведенных данных миграционной статистики в России в 2020 году на миграционный учет было поставлено 9 802 448 человек, в 2021 году эта цифра составила 13 392 897 человек, а с января по ноябрь 2022 года зарегистрировалось порядка 15 462 697 человек, что указывает на увеличение количества фактов постановки на миграционный учет на 5 млн. человек за три года.

Также статистические данные, которые были опубликованы на официальном сайте МВД России, позволяют с точностью определить количество мигрантов по той цели, которую они указали по приезду в РФ и данные из какой страны гражданин въезжает на территорию России.

На основании имеющейся информации, из общего числа въехавших в 2021 году на территорию России иностранных граждан, 77 % прибыли с целью заработка, в том числе из Узбекистана прибыло порядка 1 150 100 человек и составило 41,1 % от общего числа вставших на миграционный учет, из Таджикистана – 646 000 или 23,1 %, из Кыргызстана – около 361 500 или 12,9 %, что свидетельствует о том, что основная масса трудовых мигрантов является гражданами стран бывшего СНГ [4].

Анализируя цель приезда иностранных граждан по миграционным картам, можно сделать вывод, что на протяжении трех лет лидирующую позицию занимает трудовая миграция.

В первом квартале 2022 года количество въехавших в страну иностранных граждан с целью заработка составило 2,76 млн., что на 42 % больше, чем в 2021 году. Минимальное количество иностранных граждан было зафиксировано во второй половине 2020 года, на что повлияли в первую очередь меры, которые были применены для сдерживания распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ.

Во втором квартале 2022 года, согласно опубликованным данным, на миграционный учет по месту проживания поставлено 4,16 млн. иностранных граждан, из которых 75 % или 3,12 млн. человек указали целью приезда работу. Согласно статистике – это максимальное количество в период с 2017 года. Число трудовых мигрантов за указанный период 2022 года оказалось на треть выше, чем за аналогичный период 2021 года (2,34 млн.).

1 кв. 2020	2 кв. 2020	3 кв. 2020	4 кв. 2020	1 кв. 2021	2 кв. 2021	3 кв. 2021	4 кв. 2021	1 кв. 2022	2 кв. 2022
1,20	0,33	0,37	0,45	1,32	2,34	2,84	3,03	2,76	3,12

Проанализировав приведенные данные можно констатировать, что за последние годы миграционный поток стремительно увеличивается, иностранные граждане прибывают из Узбекистана, Таджикистана, Украины (без ДНР и ЛНР), Казахстана и Киргизии. Также большое количество мигрантов въезжают на территорию России из Китая. Граждане указанных стран в основном приезжают в Российскую Федерацию на работу, при этом большую часть дохода высылают к себе на родину.

В настоящее время, согласно информации Главного управления МВД России по вопросам миграции, на территории России находится около 12 миллионов мигрантов, из которых около 2 миллионов пребывают нелегально. По экспертным оценкам в настоящее время на территории России могут находиться от полутора до пятнадцати миллионов нелегальных мигрантов. Точные данные не сможет привести ни одна экспертная оценка в данной области.

При таком высоком приросте мигрантов следует рассматривать легальную и нелегальную миграцию как причину, которая способна оказывать негативное влияние на национальную безопасность государства.

В соответствии с этим можно сделать вывод, что далеко не все иностранные граждане, приехав на территорию РФ, осуществляют законопослушный образ жизни, что негативно влияет как на безопасность граждан, так и страны в целом.

Основной поток иностранных граждан прибывает из стран СНГ. Так из Узбекистана въезжают на территорию РФ около 25 % из общего потока, а из Таджикистана почти 14 %, для которых целью приезда в Россию является в первую очередь работа. На основании официальных данных преступления, совершаемые иностранными гражданами в России, составляют всего 2 % от общего числа раскрытых преступлений. Однако приведенная статистика не дает четкого понимания реального состояния и распространенности миграционной преступности, так как:

1. Иностранные граждане чаще всего предпочитают для проживания крупные, экономически развитые города, т.е. их концентрация, например, в областных центрах значительно выше, чем в периферийных поселениях, соответственно процент совершаемых правонарушений иностранными

гражданами следует рассматривать по отдельным территориям и населенным пунктам;

2. Преступления данной категории отличаются очень высокой степенью латентности, в связи с необходимостью выявления лица, совершившего преступление [7];

3. Низкий процент раскрываемости по некоторым составам преступлений;

Согласно статистическим данным МВД РФ, за указанные три года мигрантами совершено более 108 тыс. преступлений: 2020 год – 31,7 тыс., 2021 год – 33,7 тыс.; согласно данным 2022 года количество преступлений, совершенных мигрантами перешло отметку 37 тыс., что на 9,8 % больше, чем в 2020 и 2021 годы.

Наиболее распространёнными преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами в 2022 году, являлись кражи, их совершили порядка 4384 тыс. иностранных граждан. На втором месте преступления с использованием подложных документов, совершенные 3779 тыс. иностранцами. Кроме того, незаконно пересекли границу 1456 тыс. человек, за совершение преступлений, связанных с незаконным приобретением, хранением, перевозкой наркотических средств задержано 1135 тыс. человек.

Из общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами, 24 % относятся к категории тяжких и особо тяжких [1].

Также внушительным фактором криминальной угрозы остается нелегальная миграция. Иностранцы продолжают незаконно пересекать границу России, не имея официальных документов, подтверждающих их право нахождения на территории РФ, либо имеющие поддельные документы.

Основными причинами, по которым иностранный гражданин идет на преступление являются:

– необустроенность иностранных граждан на новом месте. После приезда многие иностранные граждане, не устроившись на работу, попадают под категорию социально незащищенных, т.е. тех, у которых нет постоянного источника дохода, определенного места жительства, места работы;

– огромное количество иностранных граждан после приезда сталкиваются с недопониманием со стороны местного населения, а также стрессом на новом месте жительства, что способствует их психологической панике, раздражительности, агрессивным всплескам по отношению к окружающим;

– часть мигрантов приезжают в Россию уже с негативным настроением по отношению к местному населению, к традициям, укладу и культуре, что приводит к недопониманию и конфликтам с коренным населением;

– незнание русского языка и законов Российской Федерации;

– негативные условия адаптации и интеграции по месту пребывания и проживания, невозможность интегрироваться в обществе.

Следует понимать, что для выработки эффективной системы по выявлению и профилактике преступлений, совершаемых мигрантами, важно своевременно устранять причины и условия, которые способствуют этому.

Полностью устранить нелегальную миграцию невозможно ни в одной стране мира, но выявить причины, побуждающие к совершению преступлений и отследить их возможно, тем самым сгладив негативные последствия. Другими словами, эффективно противодействовать преступности нелегальных мигрантов невозможно без нейтрализации самих причин нелегальной миграции, среди которых:

- политическая неустойчивость, низкая заработная плата, плохое экономическое развитие стран, из которых прибыли иностранные граждане, особенно сравнивая с Россией, что подталкивает их на переезд из своей страны;
- большой спрос на дешевую рабочую силу в РФ способствует занижению реальной стоимости работодателями оплаты труда мигрантов;
- практически «прозрачные» границы между Россией и странами, ранее входившими в состав СССР, что оказывает негативное влияние на миграционные потоки в связи с упрощённым получением виз иностранными гражданами из стран СНГ.

Данные проблемы нельзя решить с помощью одних лишь криминологических средств. Сложность заключается в том, что преступность мигрантов напрямую зависит от нелегальной миграции и количества мигрантов в целом, а причины нелегальной миграции в свою очередь носят политический и экономический характер [5. С. 13–16];

Исходя из указанных факторов преступности мигрантов, можно рассмотреть следующие способы предупреждения миграционной преступности на общем уровне:

- органам власти нужно ужесточить контроль за приезжающими иностранными гражданами, так как последствия и уровень преступности увеличивается;
- государству нужно принять законы, позволяющие снизить миграционный поток временно приезжающих в Россию, и увеличить кадровый резерв для высококвалифицированных специалистов, желающих жить и работать на территории России;
- Российской Федерации для правильного регулирования миграционных процессов нужно ввести визовый режим со странами СНГ, со странами, которыми должна вестись активная работа по упорядочению миграционных процессов;
- принять нормативно-правовые акты, законы, региональные программы, позволяющие вести борьбу с незаконной миграцией;
- проводить постоянную работу по приему и трудоустройству мигрантов, а региональным властям рассмотреть возможность создания неких центров по трудоустройству приезжающих мигрантов, где им будет оказана психологическая, социальная, медицинская помощь в устройстве на новом месте, такие центры будут способствовать легче пройти мигрантам адаптацию и устроиться на работу, что позволит снизить шкалу совершаемых преступлений;
- создать и разработать общий механизм в виде единой миграционной базы, в которой можно будет отследить общую информацию о иностранном

гражданине, поможет в ведении учета, проверки законности пребывания в стране и осуществления им трудовой деятельности.

Контроль должен проводиться от самого прибытия человека на территорию России и до его выезда за пределы государства.

Таким образом, для результативного предупреждения преступности иностранных граждан, пребывающих в Россию, необходимо сочетать меры, которые будут направлены на усовершенствование контроля над миграционными потоками с формированием мер по адаптации и мягкой интеграции мигрантов в общество.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 16.10.2023).
2. Зайончковская Ж. М. Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд, 2010. № 6.
3. Кочеткова Н. Д. Миграционные риски - как факторы выявления основных направлений превенции в механизме реализации миграционной политики Российской Федерации// *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2018. № 6. С. 23–28.
4. Официальный сайт МВД России URL: <https://xn--b1aew.xnplai/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения 13.01.2022 г.)
5. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Б. Мигранты и национальная безопасность // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2019. № 4. С. 13–16.
6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
7. Федорова Ю. А. Проблема преступности мигрантов // *Молодой ученый*. 2019. № 11 (249). С. 111–113.
8. Юдина Т. Н., Бормотова Т. М. Миграция и преступность в Москве: реальность и представления // *Наука. Культура. Общество*. 2018. № 4. С. 47–58.

CRIME OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS

R. R. Mukhametova

Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, Chelyabinsk, Russia. muhametova-regina@mail.ru

This article analyzes the state, structure and dynamics of crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation, provides statistics on which a comparative analysis of crimes was carried out for the period 2020-2022. The methods of work on prevention of crimes committed by foreign citizens on the territory of the Russian Federation are proposed.

Key words: crime, migrants, foreign citizens, the causes of crime, the identity of the criminal, crime prevention.

Сведения об авторе

Мухаметова Регина Равиловна – научный сотрудник сектора разработки программ социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования. Челябинск, Россия. muhametova-regina@mail.ru

УДК 304.2
ББК 74.48

ИГРОВЫЕ ТРЕНИНГИ КАК СПОСОБ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Елена Уткина

Младший научный сотрудник сектора по разработке программ социокультурной адаптации НИЦМП, г. Челябинск

В статье рассматриваются игровые тренинги как способ социокультурной адаптации иностранных студентов. В ходе игры, благодаря неформальной обстановке, обучающимся легче раскрепоститься и воспринимать информацию. При организации игровых тренингов с иностранными студентами необходимо следующее: добровольное участие всех; возможность отменить игру или упражнение в любой момент без объяснения причин; любая групповая деятельность должна быть динамичной, а не «медленной», то есть игроки не должны скучать или ничего не делать; преподаватель должен поддерживать доброжелательность и взаимную поддержку среди игроков. В результате успешной адаптации при проведении игрового тренинга человек принимает и действует в соответствии с поведенческими моделями, ценностями и правилами новой среды.

Ключевые слова: игровые тренинги, обучение иностранных студентов, социокультурная адаптация.

Адаптация иностранцев к студенческой жизни в чужой стране – сложный процесс, требующий использования социальных, психологических и биологических резервов личности. Социальную адаптацию можно определить, как процесс и результат активного приспособления социальных групп и индивидов к условиям социокультурной среды. В результате успешной адаптации человек принимает и действует в соответствии с поведенческими моделями, ценностями и правилами новой среды. Различные исследования подходят к вопросу адаптации по-разному.

В частности, социокультурная адаптация может быть рассмотрена следующим образом:

– процесс, в ходе которого индивид принимает социальную роль, усваивая правила, ценности и требования, которые общество предъявляет к этой роли («ролевая концепция»). В данном случае иностранный обучающийся должен вжиться в роль студента и будущего специалиста. Системы образования и академические традиции могут значительно отличаться в разных странах. Многим студентам потребуются определенные усилия, чтобы адаптироваться к университетской среде и к своему новому статусу;

– сложное взаимодействие между индивидом и социальной средой («концепция человека»). Этот аспект адаптации предполагает, что иностранный

студент может полноценно взаимодействовать с окружающим его обществом (другими студентами, преподавателями, администрацией университета, жителями, вспомогательным персоналом, необходимыми специалистами);

– реакции человека на воздействие стимулов из окружающей среды («бихевиоризм»). Понятие адаптации относится к способности иностранного студента адекватно реагировать на новые вызовы социальной и культурной среды. Адекватность реакции индивида на вызовы новой среды является одной из основных характеристик социокультурной адаптации.

Молодые люди, приезжающие учиться в нашу страну, оказываются в чужой социокультурной, языковой и национальной среде, к которой им приходится адаптироваться за короткое время. Эффективная адаптация улучшает качество жизни и академическую успеваемость иностранных студентов и повышает их мотивацию к приобретению знаний, навыков и умений, которые понадобятся им в будущей профессиональной деятельности. Поэтому успешное управление этим процессом для иностранных студентов имеет большое значение.

Работа с иностранными студентами и наблюдение за процессом их обучения показали, что почти все они испытывают трудности в социокультурной адаптации: 58 % имеют языковые проблемы, 20 % – проблемы с коммуникацией, 12 % недостаточно подготовлены по основным и специализированным предметам, 10 % имеют низкий уровень общего образования [4. С. 59].

Для успешной социокультурной адаптации иностранного студента он должен:

- овладеть языком на уровне, достаточном для эффективного функционирования в принимающем обществе;
- ознакомиться с нормами, ценностями и стандартами поведения принимающего сообщества;
- научиться общаться и взаимодействовать с членами принимающего сообщества;
- полноценно участвовать в социальной и культурной жизни нового общества;
- комфортно чувствовать себя в новой обстановке;
- находиться в нормальном психологическом состоянии.

Интеграция – это процесс и результат, который приводит к включению иностранного гражданина в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве полноправного и постоянного члена. Интеграция часто включает в себя получение временного или постоянного места жительства и гражданства в принимающей стране.

В качестве одного из способов содействия социокультурной интеграции учащихся предлагается игровое обучение как особый вид педагогической деятельности. В целом, такую подготовку могут проводить преподаватели педагогики, психологии или даже специализированных предметов.

Руководитель, который хочет организовать тренинг на основе игры, должен иметь достаточное разнообразие упражнений, игр и заданий.

При организации игровых тренингов с иностранными студентами необходимо следующее [3]: добровольное участие всех; возможность отменить игру или упражнение в любой момент без объяснения причин; любая групповая деятельность должна быть динамичной, а не «медленной», то есть игроки не должны скучать или ничего не делать; преподаватель должен демонстрировать доброжелательность и взаимную поддержку среди игроков; преподаватель должен организовывать обратную связь после каждого игрового упражнения, то есть обмен мнениями.

Перед организацией тренинга для иностранных учащихся следует провести мониторинг и определить уровень знания целевой аудиторией языка, на котором планируется проведение мероприятия, половозрастной состав предполагаемых участников, их культурную принадлежность, круг наиболее острых проблем, с которыми столкнулись участники в процессе адаптации. На основе полученной информации станет возможным: подобрать необходимый уровень сложности программы в соответствии с возможностями участников, определить виды упражнений, которые будут направлены на решение конкретных актуальных проблем адаптации именно этой целевой группы учащихся, исключить некорректные в связи с культурными особенностями участников задания и т.д.

Важно помнить, что когда организатор рассматривает игру в контексте проблемы адаптации иностранных учащихся, то она не может нести в себе только рекреационно-развлекательные функции. Одна из самых важных задач игровых тренингов в процессе адаптации иностранных студентов – это развивать у учащихся важные для взаимодействия с новой средой умения, снабдить их значимой для понимания особенностей нового общества информацией. Организатору следует заранее обозначить трехкомпонентную познавательную цель тренингового занятия и придерживаться ее:

- 1) Что изучат, какую новую важную в процессе адаптации к новому обществу информацию приобретут участники?
- 2) Какие полезные навыки разовьют участники?
- 3) Как и какой материал удастся закрепить по итогам занятия?

По нашему опыту, тренинг, основанный на игре, включает в себя несколько этапов: более близкое знакомство с другим человеком; развитие навыков общения, преодоление языкового барьера, обогащение словарного запаса; знакомство с этикетом и правилами поведения в общественных местах. Вот несколько игровых упражнений для каждого этапа тренинга.

Для первого этапа обучения подходят упражнения «Ладушки», «А я пойду», «Типографская машинка» и др. Эти и другие упражнения можно найти в книгах «Игра в тренинге», «Потенциальное взаимодействие с игрой» [2].

В случае групповой работы эти игры создают атмосферу дружелюбия, расслабленности, свободы самовыражения и поведения, что позволяет перейти ко второму этапу обучения.

На втором этапе можно использовать такие игры как «Кто я?», «Ветер дует», «Дождь звездный», «Мы с тобой семья», «Привет, привет» и т.д. [1. С. 24].

Например, в игре «Кто я?» участник называет свое имя, и все дружно повторяют его, добавляя положительные прозвища (например, умный, красивый, добрый, интересный, замечательный и т.д.).

Третий этап игровых тренингов должен быть подготовлен тренером с особой тщательностью, поскольку эти упражнения направлены на повышение уровня взаимодействия в группе, развитие коммуникативных навыков, обогащение словарного запаса и пантомимирование значения новых слов. Подобные упражнения можно найти в книге В. В. Петрусинского «Развитие и воспитание через игру».

На заключительном этапе игры-тренинги включают в себя развитие представлений об этикете (теоретических и практических), обучение приемам и правилам приветствия, отработку искусства дипломатии, правил посещения кафе, театров и музеев, практическую отработку принципов телефонного разговора, овладение этикетом гостеприимства и т.д.

Кульминацией обучения станет изучение этикета церемонии чаепития. Этот этап может включать такие игры как «Этикет», «Приветствия», «Продавец и покупатель», «Дипломатия», «В кафе», «В театре», «Телефонный разговор», «Будь вежлив...», «Гости», «Чайная церемония» [2].

Общий итог игрового тренинга обязательно включает в себя обсуждение с игроками результатов тренинга, проверку усвоения игроками новых знаний (например, посредством нескольких наводящих вопросов), возможность для игроков задать появившиеся в ходе игрового опыта вопросы, выразить эмоции, рассказать о впечатлениях. Для этапа Рефлексии актуально использовать такую практику как рабочая тетрадь участника тренинга или анкета участника тренинга, включающую в себя таблицы самооценки с вопросами, посвященными знаниям и компетенциям, приобретенным участниками во время выполнения игровых заданий. Заполнение бланков в спокойной обстановке после прохождения тренинга поможет участникам систематизировать полученные знания, проанализировать приобретенные навыки, оценить свою социальную и творческую активность.

Каждый куратор может провести около десятка игровых тренингов за учебный год, подбирая задания и упражнения, которые помогут студентам каждой группы университета адаптироваться к социокультурной среде.

В связи с вышесказанным, очевидно, что существует необходимость в специально организованной работе. Задачи должны быть ориентированы на адаптацию иностранных студентов и формирование соответствующей социокультурной среды. Помимо университетов, в эту работу могут и должны быть вовлечены студенческие организации, активисты молодежных НПО, молодежные органы власти, некоммерческие организации и другие заинтересованные стороны.

Исследования по адаптации и интеграции иноязычных студентов не могут быть отделены от целей и задач российской образовательной политики и должны быть направлены на достижение этих целей и задач:

– эффективная реализация целей привлечения иностранных студентов в российскую систему образования;

– последовательное и эффективное решение вопросов их местной, социокультурной и правовой адаптации, включая своевременную организацию доступа к информации, правовому статусу, инфраструктуре, социальным, жилищным, культурным и образовательным ресурсам и услугам;

– создание гармоничной социальной среды в университете, в которой иностранные студенты могут самореализоваться профессионально, социально, культурно и локально в атмосфере межэтнического сотрудничества и толерантности;

– формирование социально-психологических установок на межэтническое взаимодействие и дальнейшую интеграцию академических мигрантов в российское общество на равных условиях в профессиональных, общественных и государственных институтах, т.е. по желанию студента готовность к натурализации или постоянному проживанию в Российской Федерации;

– продвижение дружественной, открытой и инновационной образовательной и социальной среды в местном сообществе.

Таким образом, успешная социокультурная адаптация с помощью игровых тренингов способствует более легкой интеграции иностранцев в образовательный процесс и активную студенческую жизнь, и как следствие, повышению качества образования.

Список литературы

1. Алеева А. Я. Методика адаптации иностранных студентов к учебно-информационной среде вуза посредством информационных технологий: автореф. дисс. ... к. пед. н. Тамбов, 2020. 24 с.

2. Берестнева О. Г., Марухина О. В., Мокина Е. Е. Роль личностно-ориентированной среды вуза в социально-психологической адаптации иностранных студентов // Наукоедение. 2021. № 4 (17).

3. Дербенева О. Ю., Ермоленко Р. Е., Тарасов К. Г. Экосистема инновационных парков как инфраструктура для реализации стратегических проектов ПетрГУ: понятие, цели, задачи, условия функционирования // Непрерывное образование: XXI век. 2019. Вып. 1 (25). URL: <https://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=4469> (дата обращения: 13.12.2022).

4. Урванцева Н. Г. Образовательная среда вуза в социокультурной адаптации иностранных студентов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. №3, С. 59–63.

GAME TRAININGS AS A WAY OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

E. A. Utkina

Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, Chelyabinsk, Russia, utkina.elena.a@gmail.com

The article considers game trainings as a way of socio-cultural adaptation of foreign students. The adaptation of foreigners to student life in a foreign country is a complex process that requires the use of social, psychological and biological reserves of the individual. A manager who wants to organize a game-based training should have a sufficient variety of exercises, games and tasks. When organizing game trainings with foreign students, the following is necessary: voluntary participation of all; the ability to cancel a game or exercise at any time without explanation; any group activity should be dynamic, not «slow», that is, the players should not be bored or do nothing; the teacher should maintain goodwill and mutual support among the players. As a result of successful adaptation during the game training, a person accepts and acts in accordance with the behavioral models, values and rules of the new environment.

Key words: game trainings, training of foreign students, socio-cultural adaptation.

Сведения об авторе

Уткина Елена Александровна – аспирант 1 года обучения Челябинского государственного института культуры, младший научный сотрудник сектора разработки программ адаптации иностранных студентов и детей инофонов Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Челябинский институт развития профессионального образования, Челябинск, Россия.
utkina.elena.a@gmail.com

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Елизавета Щетина

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОР

Александр Селютин

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОР

Сергей Бредихин

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОР

Анна Морозова

Журнал выходит под эгидой Автономной некоммерческой организации «Центр культурно-религиоведческих исследований, социально-политических технологий и образовательных программ» совместно с «Научно-исследовательским центром мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде».

Научно-дискуссионный журнал «Мониторинг. Образование. Безопасность» выходит 2 раза в год. Журнал включён в Российский индекс научного цитирования.

Электронный научный журнал «Мониторинг. Образование. Безопасность» публикует научные исследования, посвященные формированию безопасной среды и профилактике деструктивных проявлений в социуме.

Предполагаемая частота выхода журнала – два раза в год. Предполагаемая наполняемость каждого номера – от 15 до 20 статей. Статьи проходят обязательное внутреннее рецензирование.

Журналу «Мониторинг. Образование. Безопасность» будет присвоен ISSN в момент публикации первого выпуска. Материалы журнала будут размещены в Российском Индексе Научного Цитирования (РИНЦ).

Материалы для публикации принимаются в электронном виде на адрес электронной почты mob-journal@yandex.ru или на сайте <https://resurs-center.ru/formaMOB> вместе с заявкой. Материалы для публикации и заявка направляются отдельными файлами в одном письме. На сайте заявка заполняется онлайн.

Электронная публикация материалов производится по адресу: <https://resurs-center.ru/MOBjournal>

Требования к оформлению материалов для публикации:

– Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 10 страниц в формате RTF, шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал, абзацный отступ 1,25, все поля по 2 см.

– Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32]

– Библиографический список помещается после статьи под заголовком «Список литературы» в алфавитном порядке. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

– Статья сопровождается аннотацией (450-500 знаков) и ключевыми словами (4-6 единиц) на русском и английском языках. Заголовок статьи также переводится на английский язык.

– К статье прилагаются УДК и ББК.

– После текста статьи указывается «Статья публикуется впервые, согласен на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых источниках», дата отправки статьи в редакцию и сканированная подпись автора.

– Рекомендуемая структура основного текста публикации включает в себя: введение, постановка проблемы, вопросы исследования, цель, материал исследования, методы, результаты исследования, выводы, указание благодарностей (напр., гранты), список литературы.

– Оригинальность текста должна быть не ниже 80%.